

18+ АЛЕКСЕЙ ТИВАНЕНКО

Крокодилы ледяных озер

ОБИТАЮТ ЛИ В ВОДОЕМАХ АЗИИ
РЕЛИКТОВЫЕ ЖИВОТНЫЕ?

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

Алексей Тиваненко

**Крокодилы ледяных озер.
Обитают ли в водоемах Азии
реликтовые животные?
Издание второе, дополненное**

«Издательские решения»

Тиваненко А.

Крокодилы ледяных озер. Обитают ли в водоемах Азии реликтовые животные? Издание второе, дополненное / А. Тиваненко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672504-1

Обитают ли в пресных водоемах Сибири и холодного северного Заполярья современники давно вымерших динозавров? Что за чудовищных размеров рыбы, похожие на зубастых крокодилов, до сих пор встречаются в некоторых реках и озерах зоны вечной мерзлоты?

ISBN 978-5-00-672504-1

© Тиваненко А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Страна озер, болот и лесов	12
Рыбообразные монстры наших дней	22
Дорога к сибирским людоедам	27
Крокодилы северных широт	32
Мамонт – щука – лось	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Крокодилы ледяных озер Обитают ли в водоемах Азии реликтовые животные? Издание второе, дополненное

Алексей Тиваненко

Дизайнер обложки Наталья Анатольевна Мясникова

© Алексей Тиваненко, 2025

© Наталья Анатольевна Мясникова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-2504-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Более четверти века тому назад я опубликовал газетную заметку «Чудовища озера Гусино» («Правда Бурятии», 1992, 28 февраля), в которой собрал удивительные рассказы местных жителей об обитании в водоемах Западного Забайкалья невиданных до сих пор гигантских зубастых щук и иных таинственных водных животных, якобы нападающих на птиц, скот и людей. В откликах на неё читатели газеты, к моей неожиданности, прислали несколько писем, подтверждающих, во-первых, сообщаемые мною необычные сведения об озере Гусином, а во-вторых, назвали ещё несколько северных водоемов Бурятии, где происходили такие же, по их словам, истории, участниками или очевидцами которых они являлись. Подборку этих писем я дал только через 6 лет в республиканской газете «Информполис» от 2 января 1998 года, долго раздумывая перед этим о реальности или фантастичности изложенных моими корреспондентами невероятных фактов в местной экосистеме Байкала и его водосборной площади.

После публикации этих писем последовали новые сообщения. В том числе информация от корреспондента ИТАР-ТАСС по Бурятии Петра Цырендоржиева. (*Собрать Лох-Несской загадки в Бурятии.* – «Правда Бурятии», 1992, 3 сентября). Вскоре к Гусиному озеру потянулись туристические группы из соседних регионов и зарубежья. Предполагаемые чудовищного вида «обитатели» забайкальского водоема получили поистине широкую известность в Бурятии за её пределами, о них до сих пор оживленно говорят в народе. А многие аквалангисты, рыбаки, туристы и спасатели МЧС подтверждают: среди непроходимых зеленых зарослей глубинной донной растительности озера они на самом деле порою видят и фотографируют громадных старых щук, неподвижно лежащих на илистом грунте водоема, «как замшелые бревна», не реагируя на рыболовные приманки и появление в их зоне обитания людей. Некоторые из таких фотоснимков помещены в нашей книге.

Однако есть во всей этой истории другая, неприятная для меня, сторона. Всё прошедшее с того момента время мои коллеги по работе в Бурятском научном центре СО АН СССР встретили первое газетное сообщение со скептической усмешкой, намекая на рождение в моей голове неуёмной журналистской фантазии, недостойной для серьезного академического ученого. Правда, биологи-специалисты встретили мою публикацию спокойно, допуская реальность достижения белугой, калугой, сомом, щукой, осетром, севрюгой, тайменем и некоторыми другими особо крупными рыбообразными животными за десятки лет их жизни длины туловища до 4 и более метров, но только где-то в других теплых водоемах за пределами холодной Сибири. Сообщения «очевидцев» о подобных монстрах в северных ледяных озерах они отнесли к обычным «рыбацким байкам»: мало ли кому что почудилось – закусывать надо при распитии спиртного на рыбалке.

Сегодня, когда я собрал и проанализировал аналогичные сведения о «странных» животных рек и озер северных и центральных районов Евразии, привел некоторые аналогии из жизни водных (и не только) организмов субтропической зоны, пришел к выводу, что мои оппоненты находились в плену некоторых устаревших представлений о «дарвиновской» системе эволюции животного мира планеты. По их мнению, получается, что если закончилась эпоха жизни одних видов животных, то в пришедшей на смену новой экологической нише их генетическим потомкам нет места, если они не приобрели новые адаптивные качества жизни в изменившейся среде обитания. Это как с перевернутой книжной страницей, к которой нет возврата.

С первого взгляда, довод логичный. Трудно, на самом деле, согласиться с представлением о том, будто и сегодня по заснеженной территории не до конца освоенной человеком сибирской тайги еще бродят последние гигантские «доисторические» мамонты или динозавры, а в замерзающих водоемах обитают кровожадные зубастые крокодилы.

Однако не всё так просто в общей схеме видовой изменчивости животного мира планеты. Сейчас на суше, в воздухе, в морях и океанах в силу экологических изменений на наших глазах происходит очередная смена привычного животного мира. За последние 500 лет с лица Земли окончательно исчезли от 7,5 до 13% всех известных видов живых существ, и эта цифра растёт из года в год. (*Идет эпоха вымирания.* – «Тайны XX века», 2022, №8, февраль. – С. 16). Одним природа не даёт возможности продолжать жить прежними сообществами, другим видам сохранила существование в более мелких изменённых видовых формах. Однако, на удивление, отдельные особи реальных «ископаемых существ» древности всё ещё продолжают здравствовать исчезающими группами в разных уголках планеты, в отдалённых местах, куда не часто ступает нога человека. Совершенно так, как рядом с ними (в джунглях непроходимой Амазонки, на затерянных островах Океании, отчасти среди пустынь Африки) и сегодня этнографы находят группы аборигенов, живущих как бы в каменном веке, почти не имеющих сообщения с окружающей цивилизацией. Об этом написано немало книг и снято документальных фильмов. А генетики мечтают на основе ДНК возродить вымирающие популяции животных к прежней активной жизни, или «оживить» тех бездыханных волосатых существ, туши которых в замороженном состоянии нередко находят в земных толщах вечной мерзлоты тундровых побережий Северного Ледовитого океана (прежде всего мамонтов, носорогов, бизонов и прочих гигантов «доисторической» фауны).

Вопрос к биологам: если гиганты животного мира Ледниковой эпохи вымерли, то почему вслед за ними не ушла в небытие и сопутствовавшая им более мелкая фауна, какой сегодня полна сибирская тайга и холодная арктическая тундра?

Теперь мало кто из пытливых людей будет возражать доказанной аксиоме: все млекопитающие делятся на два подкласса – «первозвери» и «настоящие звери». Многие из них произошли от звероподобных рептилий, эволюционный расцвет которых начался с вымирания ранее господствовавших гигантских динозавров далёких геологических эпох. Все их «сухопутные» и «водные» потомки имеют хвост, когтистые лапы (плавники) дышат легкими, имеют большие глаза с подвижными веками; все птицы унаследовали мощные трехпалые задние ноги с длинными когтями, какие были у птицетазовых динозавров. Наступившее Великое похолодание многих из них (в аридной зоне) «одело» в тёплый волосатый покров или перья, защищающий от стужи. Но большинство современных птиц, менее приспособленных к холоду, на зимовку всё же мигрирует в тропические страны за тысячи километров от аридной зоны. Зато со времён Великого оледенения в Сибири и на Севере прекрасно сохранились многие сухопутные представители от предыдущего тёплого кайнозойского времени, «одевшись» в защищающие от морозов шкуры (мамонты, носороги, пещерные львы, песцы, олени, лошади и иные «арктические» животные). Некоторые из них живы и по сей день, являясь надёжным источником пропитания для сибирских аборигенов.

Когда в XVI столетии русские казаки-землепроходцы пришли в прежде неведомые пустынные земли Сибири и Центральной Азии, по рассказам местных жителей пугающие воображение лохматые «доисторические» животные (напр. мамонты) являлись для них современниками привычной природной среды обитания, мясо которых они всё ещё добывали в пищу. Но в то же время жители тундр и лесов обоготворяли их из-за мистического религиозного страха, уклонялись от расспросов любознательных пришлых «белых» людей о местах обитания и повадках необыкновенных живых существ. Исследователь Центральной Азии В. И. Роборовский, к примеру, три столетия позже с сожалением писал: «Часто приходится от них слышать всякого рода побывальщин и басен о разных мифических животных, в современном существовании которых монголы убеждены. У них все воды – реки, ключи, озера – наполнены всегда удивительными, фантастическими зверями, то драконами, то водяными лошадьми, коровами, собаками и пр., и это у всех монголов и тангутов Куку-нора, Цайдама, Желтой реки

и Северного Тибета». Далее, после пересказа ряда примеров, исследователь делает заключение: «Эти басни я привел, чтобы показать, сколько достоверного в их рассказах, и сколько небылиц приходится выслушать, пока, наконец, удастся добиться от номада что-нибудь достоверного и полезного для записи в дневнике». (*Роборовский В. И. Труды экспедиции Императорского Русского Географического общества в Центральной Азии, совершенной в 1893 – 1895 гг. – СПб, 1901. – Ч. 1, вып. 3: От Амнэ-Мачина в Зайсан*). Подобные оценки сведений аборигенных рассказчиков есть у путешественников Н. М. Пржевальского, В. А. Обручева, П. К. Козлова, Г. Ц. Цыбикова и других исследователей Центральной Азии и Тибета, хотя некоторые из них не столь отрицательно категоричны в своих суждениях о неправдоподобности народных баек.

В более старые времена сведения о якобы живых звероящерах Евразии воспринимались на Руси за достоверные обыденные явления. К примеру, посланец Римского папы к монгольским ханам эпохи средневековья Гильом де Рубрук с полным доверием относился к рассказам кочевников о «фантастических» современных животных Центральной Азии, «хотя мы сильно недоумеваем, правда ли это». (*Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. – Иркутск, 1941*).

Говорят, для человеческой фантазии нет преград. Мол, не могут поколения человечества жить без тайн, без ощущения причастности к чему-то непознанному, неестественному, не укладывающемуся в рамки обыденного миропонимания. С тайнами интереснее жить, они развивают пылкий ум человека, дают ответы на необычные природные явления, усиливают интерес людей к познанию родного края и его истории. Но все ли тайны являются плодами голой человеческой фантазии?

Я допускаю, что многие баснословные истории прошлого сочинялись рассказчиками, по типу того как современные рыбаки преувеличивают иногда размеры своего улова, но не согласен с утверждением, что все они создавались на пустом месте. И тем более не приемлю версию, будто фантазии огульно записывались как байки в государственные Летописные хроники. Представим, что в монастырской келье сидит престарелый монах и гусиным пером пишет Летопись событий своего времени. Таких людей считали учеными людьми, их уважали. Ведь они были призваны божественным поручением правдиво отображать на бумаге для потомков общественно значимые события страны последовательно год за годом и давать им авторские комментарии, отделяя правду от вымысла, дабы последующие поколения не фальсифицировали историю государства Российского по желанию того или иного правителя власти. Понимал большую ответственность перед обществом и сам летописец, делая всё возможное, чтобы его имя в будущем не ставили в один ряд с врунами. И когда читаешь сохранившиеся Летописи, хорошо видишь, как в них необычные свидетельства, с точки зрения современного понимания, тесно соседствуют с твердой реальностью. Это я, к примеру, говорю о летописных утверждениях, будто еще в XVI – XVII веках в болотистых водоемах Новгородской земли реально водились страшные и кровожадные ящеры-крокодилы, встречаемые столетиями позже в Прибалтике, на Урале, Сибири, на Алтае и в других уголках Евразии.

К примеру, Псковская Летопись 1582 года, «Записки и Московии» и иные сочинения зарубежных послов Сигизмунда Герберштейна и Горсея (1573 – 1591) содержат сведения о так называемых *givoitax* (в переводе с литовского «*gyvate*» – «змея»). (*Елкина С. Русский зоопарк в поисках живого экспоната. – Тайны XX века», 2023, №43, октябрь. – С. 22 – 23*).

Существует мнение научной общественности о том, что древним русским мифам (читай, Летописям) доверять нельзя. Обычно ссылаются на встречающиеся в них разночтения исторических событий, на фантастичность образов животных и людей, и на многое еще такое, что на самом деле трудно интерпретировать с точки зрения современного миропонимания. Отчасти это верно, ибо невозможно представить летящего по небу многоголового огнедышащего дракона с гигантскими машущими крыльями, или населяющую лесные чащи дикую нечисть во главе с Бабой-Ягой, людоедкой по сути, или страшных чавкающих беззубыми губами упы-

рей, водящихся в топких болотах... В польском городе Кракове я стоял у входа в пещеру и даже заглядывал в её подземный полумрак под королевским замком на Вавельском холме, где, якобы, в прошлом обитал поедающий людей дракон *Шаркань*, отлитый сегодня в бронзе с изрыгающим пламенем из раскрытой зубастой пасти, водруженный на каменном постаменте. Похожие образы дракона – вещателя людских судеб – я видел также в татарских городах Казани и Елабуге. А на гербе Москвы Георгий-Победоносец поражает страшного дракона *Змея-Горыныча* копьём. Знаком этот мифологический образ также в Киеве. Крылатый дракон красуется с 1779 года и на гербе города Каширы. О Китае, где все общественные праздники «живут и дышат» образами небесных огненных драконов, можно и не говорить.

Образ этого чудовищного животного нашел отражение также в древних русских Летописях и в народных сказках, которые любят читать взрослые и особенно слушать дети. У россиян это любимый сказочный образ *Змея-Горыныча*, у наших славянских предков был его предшественник *Ящер* – владыка вод северных рек и озер. Первый воровал и уносил в свое пещерное логово красивых девушек; второму люди сами приносили живые человеческие «кушания» («ящеровых невест»), тела которых живыми топили в воде вместе с лодкой, наполненной богатыми дарами чудовищу. Жестокие языческие обряды ушли в историю, но образы мифических водяных животных продолжают жить не менее ярко в народном сознании и в декоративно-прикладном искусстве как сказочные герои нашей далекой славянской старины.

Непревзойденным мастером сочинения подобных сказок на основе народного фольклора был наш великий поэт Александр Сергеевич Пушкин, а также другие российские и зарубежные авторы прошлых столетий. Под впечатлением их прочтения я также коснулся этой темы в виде юмористического стихотворения для своей любознательной внучки:

СТРАХИ ЛЕСА

*В диком, угрюмом и черном лесу
Я тихо ступаю, почти не дышу.
Ноги как ватные, совсем не идут:
Какие чудовища в лесу меня ждут?*

*В густом лесу тропинок много,
На них следы неведомых зверей.
Какой из них идти дорогой,
Чтоб миновать чащобу поскорей?*

*Пойдешь налево – леший может встретить.
Пойдешь направо – болотный упырь ждет.
Дорогу прямо нечисть метит.
Какой-то зверь и по следу идет.*

*Вокруг то шум, то злобное рычанье,
В кустах глаза по хищному блестят.
Слышно неровное звериное дыханье.
По веткам прыгая, кикиморы свистят.*

*Ведь я шел немного прогуляться,
В зеленом и заманчивом лесу.
Грибов осенних, по случаю, набраться,
Быть счастлив тем, что воздухом дышу.*

*Хотел услышать птичек щебетанье,
Увидеть краски полевых цветов,
Лесной пчелы довольное жужжанье,
Пройтись к ручью по зелени лугов.*

*Приятно так, по утренней заре,
Побывать наедине с живой природой,
Вставанье солнца встретить на горе,
И дальше побрести лесной дорогой.*

*А тут зверье, готовое сожрать,
Тропинки обложила, сев в засаду...
(Да хватить вам, читатель, ржать,
И заливаться смехом до упаду!).*

*Из сказок детских внушили нам давно,
Что мирный лес – опасное соседство.
Что зверя в нем живет полным-полно,
Пугали нас все наше детство.*

*Кроме них, мол, есть звери пострашней —
Чудища лесные всех мастей.
Иные так похожи на людей,
Но злые упыри – хищнее всех зверей.*

*Там царь Кощей над золотом чахнет.
Русалка, нежась, на ветвях сидит.
От нечисти болото дурно пахнет.
Мохнатый леший на пеньке сидит.*

*Не дай Бог избушку в чаще встретить:
На курьих ножках та стоит одна.
А если огонёк в окошке светит,
Беги что мочи – там живет беда!*

*Старуха в ней сидит лохматая, седая.
Гостей как встретит – сразу в печь.
И не сказать, что очень уж и злая,
Но любит человечину поестъ.*

*Такое в сказках прочитаешь – не забудешь!
И хотя ты знаешь, что лес совсем иной,
Но как только от усталости заблудишь,
Звериные чудовища мерещатся порой.*

*Спасибо Пушкину, Аксакову и прочим...
На сказках чьих нам дано воспитанье.
Мы страхи леса поныне в сердце носим,*

Такое с детства мое воспоминанье.

Но это так, в качестве юмористического отступления. А далее в нашей книге мы будем излагать все сведения о якобы «чудовищных» современниках, собранные из различных письменных, устных или археологических источников Евразии. Пока возьмем преимущественно только мир водной стихии, чтобы связать похожие случаи с гигантскими щуками (и не только ими) Гусинога озера Бурятии, да и других водоемов Сибири, в единое мифологическое или реальное миропонимание. Кое-что можно сразу отнести к народным выдумкам (хотя мы расцениваем их попыткой информаторов в силу своих скудных познаний природного окружения как-то логически объяснить непонятные природные явления), но иные факты являются бесспорной реальностью, которую нужно изучать, а не отбрасывать в сторону по принципу скептиков: «Этого не может быть потому, что не может быть никогда!». В этой связи вспомним слова великого ученого-физика Альберта Эйнштейна о том, как делаются открытия: «Все знают, что этого не может быть. Наконец, находится кто-то, кто этого не знает – он-то и делает открытие...».

Известный исследователь загадочных, неизвестных еще науке реликтовых животных, Майя Быкова считала, что много интересных биологических открытий не сделано, главным образом, из-за людского недоверия. Человек увидел неизвестное, удивительное животное, взволновался, стал спрашивать у местных жителей – не встречались ли раньше здесь подобные существа. Затем наблюдатель приносит эти крупницы ценной информации академическим ученым-зоологам, в надежде сделать свой посильный вклад в науку, но наталкивается на полное равнодушие, усмешку или, что еще хуже, на заключение специалистов, что он принял за живое чудовище плавающее бревно или, на худой конец, большую щуку или иную реально существующую рыбу-гиганта. (*Костин М. Монстры ледяных озер. – «Информполис», 1997. – 24 июля*).

Ну что ж, поговорим пока о щуках и иных больших рыбах России и её зарубежья, как о наиболее вероятных потомках доисторических водяных ящеров или крокодилов.

Страна озер, болот и лесов

Абсолютным доверием в наше время пользуются чудом сохранившиеся в монастырских архивах записи Нестора-летописца. (*Шахматов А. А. Повесть временных лет. – Пг., 1916*). В них он говорил о своих современниках-славянах вещи, понятные сегодня лишь специалистам-этнографам относительно обыденного образа жизни раннесредневековых россиян. Например, о том, что жители побережий новгородских озер, болот и лесов не имели ни домов, ни коней, ни оружия, питались дикими травами и носили одежду из звериных шкур, укрывались от непогоды под сенью сплетенных ветвей деревьев. Это были люди грубые и полудикие, «презиравшие» трудности бытия и лишения от местной суровой северной природы, стойко переносившие голод и холод. Зато они удивляли быстротою своего передвижения по местности, легко взбегая на горы, прячась в расщелинах скал, смело преодолевая глубокие реки и топкие болота.

Здесь, конечно, немало домыслов на основе недостаточно проверенных исторических известий о жизни более ранних предков. Однако, что интересно, согласен был с Нестором и более поздний придворный историк Российской империи рубежа XVIII – XIX столетий Н. М. Карамзин: эти люди «имели обычаи дикие, подобные зверям, с которыми они жили среди лесов темных, в распрях и ссорах, убивая друг друга». (*Карамзин Н. М. История государства Российского. – М., 1988. – (Репринт). – Кн. 1*). И когда, мол, эти славянские племена в IX веке пригласили на княжение датского варяга Рюрика с братьями Синеусом и Трувором, те долго сомневались в целесообразности переезда на княжение к россиянам, боясь «звериного их обычая и нрава». (*Павловский Г. Стальной щетиною сверкая. – «Независимая газета», 1991. – 19 ноября*). То была реакция европейского мира на бытовавшие фантастические сведения славян о своей земле, скорее всего, сознательно распространяемые ими для вражеских соседствующих племен и народов с целью «отпугивания» от военных восточных походов.

В старину Новгородское княжество называли «Озерной областью», где главным водным узлом являлись озера Ильмень, Чудское и Псковское с их соединяющими реками и бесчисленного количества болотами. Только в одной Витебской волости Полоцкой земли насчитывалось более 1000 больших и малых озер от недавно растаявшего Великого ледника. Поэтому глинистая почва и здесь, и во всем княжестве, была еще излишне обводнена и поэтому не плодородна для возделывания посевов. По этой причине все войны в основном шли за сухие минские земли, как более пригодные для хлебопашества.

Поэтому люди, жившие в Прибалтике, благодаря малодоступной природе своей страны, долее своих соседей сохраняли «дикость первоначального быта». Они набегали на соседние родоплеменные общины, но сами оставались недосыгаемыми в своих естественных природных укреплениях – в непроходимых лесных дебрях и болотных топях. Известно, к примеру, что, напав на Русь, татаро-монгольские войска хана Батгя так и не смогли дойти до берегов Балтийского моря: их кони не были приучены ходить по густым лесам и зыбкой болотной трясине. Кое-как добравшись до Торжка, степные кочевники в гневе на местную природу и негостеприимство жителей разорили город и направились в обратный путь. По причине непроходимости летних дорог через болота войны между Московией и Ливонией велись почти исключительно в зимнее время, когда замерзали все водные источники.

В этой связи к месту привести любопытное историческое предание россиян о невероятном случае, происшедшем на озере Бросно нынешней Тверской области. Обитающее там некое водное чудовище сильно напугало войско хана Батгя, шедшего к Новгороду. Говорят, что какая-то огромная животная пасть, неожиданно раскрывшаяся под водой, проглотила несколько пивших воду лошадей, а заодно и воинов. Далее к северному городу уstraшенный

видением монгольский полководец, внук Чингисхана, не пошел, а повернул назад в Донские степи и далее направился в более «спокойную» Западную Европу.

Но на этом дело не кончилось. Совсем фантастическими кажутся рассказы о севшем там же в годы Великой Отечественной войны по причине аварии немецком самолете с пилотом, которых это чудовище волоком протащило с берега под воду. В наше время ударом из глубины водный монстр своим «рыбьим» хвостом утопил трех человек любопытствующих туристов. Тела их найдены не были, так как лезть в воду из-за опасности для своей жизни никто не захотел. Но и останки несчастных не всплыли на поверхность водоема, как это бывает с утопшими телами.

Группа исследователей под руководством В. Черноброва, прибыв на место происшествия, стала бросать в озеро шумовые петарды, желая «разбудить» спящее чудовище, чтобы оно всплыло для «селфи» фотографирования. И экран прибора глубинного эхолота действительно стал фиксировать поднятие со дна чего-то огромного, размером с «железнодорожный вагон». Но на горизонте двух метров ниже водной поверхности это «нечто» остановилось, озерная глубь забурилась и стала выделять резкий удушающий запах сероводорода. Когда водный монстр всё же высунулся на поверхность, очевидцы описали его голову, похожую на громадную оленью морду, только без рогов. Позже стали говорить о похожих ему «сородичах», появляющихся в соседних озерах, благо на территории Андреанопольского района области их 157 штук. (*Танасийчук В. Невероятная зоология. (Зоологические мифы и мистификации).* – М., 2011).

Подобные невероятные истории происходили на Севере Руси и много столетий тому назад, и некоторые из них даже попали в тексты древних государственных Летописей. В одной из них рассказывается про огромную щуку, выловленную в Белом озере на Вологодчине: *«Да во славном-то было на Бело-озере. Заселилася щука, да преогромная. Да робят-де хватат, да жоребят глодат. Стали-то думу да они думати: еще как-то бы щуку да нынь добыть ее? Да сковали-то уду нынь десять пудов, да недели жеребенка тут кобыльего, да бросили-де во славно Бело-озеро, – да хваталася щука преогромная, да не мала, но велика – девяносто пуд».* (Ловля на жеребенка. – «Тайны XX века», 2023. – №49, декабрь. – С. 16). А что такое 90 пудов? Это, между прочим, 1440 килограммов современного веса! Поистине «чудо-юдо, рыба-кит», пожиравшая, по преданиям, не только человеческих детей, но и конских жеребят. Чтобы поймать эту невероятно большую рыбку, людям потребовалось сковать из металла крючок и цепь весом 10 пудов. Правда ли эта история или всё же небылица, мы уже не узнаем. Но Летописец – человек государственный, обязанный фиксировать только правдивые истории в жизни страны, а не народные обывательские байки. Документально подтверждено, что большая щука в старой России была выловлена в новгородском озере Ильмень: её вес равнялся 35 килограммов, а длина – почти два метра. В свете последних уловов нашего времени – это обычный средний рост и вес, ибо интернет полон фотографий водных зубастых хищников и более крупных размеров.

Непознанный край давно был известен своими чудесами. Сама природа там словно создана для рождения баснословных сказов о чудовищных животных воды и суши. *Дреговичи* («болотные люди»), *древляне* («лесные люди»), *нарвы* («жители р. Нарва»), *полочане* («жители р. Полоты»), *кривичи* (идолопоклонники языческого бога Крево) и прочие древнеславянские племена Северной Руси, уверяли, что в густых чащах их лесов водятся *Лешие* и *Бабы-Яги*; в чавкающих грязью топях с горящими болотными огнями сидят на сухих кочках *Кикиморы*; в глубинах рек и озер водятся *русалки*-девицы и страшные зубастые *крокодилы*. Всем им нужно приносить ежегодные кровавые умиловительные человеческие жертвы. И больше всего вся эта дьявольская водная нечисть предпочитает употреблять живую плоть людей-чужестранцев. Доказательство тому служат до сих пор обнаруживаемые среди непроходимых болот с их поглощающими зыбкими трясинами небольшие участки сухих холмиков или искусственно

насыпанные площадки с остатками древних капищ, на которых и совершались кровавые действия по задабриванию злых водных сил. Образно передают былую обрядность стихотворные строки древних былин: «Горят огни горячие, кипят котлы кипучие...». Речь, как видим, идет о разводимых там ритуальных кострах, на огнях которых славяне готовили общинную религиозную трапезу для почитаемых кровожадных божеств водяного происхождения.

Легче всего сказать, что эти сказочные персонажи были придуманы языческими жрецами, дабы держать население в страхе перед грозными силами дикой природы. Но вот один странный, с точки зрения современного понимания, случай. Местные балтийские поморы до сих пор передают рассказы предков о каких-то *коркодилах* (крокодилах, или рыбащерах), твердо полагая, что речь идет о вымерших совсем недавно страшных «доисторических» водных животных. Это о них повествуют русские былины и исторические Летописи, это их образы бытуют в декоративно-прикладном искусстве северных поморских жителей. Псковская летопись за 1582 год с ужасом писала следующее: *«Того же лета изыдоша коркодили лютии звери и из реки и путь затвориша; людей много поядоша. И ужасася людие и молиша бога по всей земли. И наки спратошася, а иных избвиша».* (Псковские летописи. – М., 1955. – Т. 2. – С. 262). В переводе со славянского языка информация звучит так: *«В том же году вышли лютые звери крокодилы из реки, и не давали прохода; людей много съели».*

Рассказывая о Литовском государстве, австрийский посол в Московии Сигизмунд Герберштейн, живший в России с 1517 по 1526 годы, в рассказе о Новгородских землях упомянул два вида водных *живоитов* («живоитов») здешних озер и рек. Слово *живоиты* (*gyvate*) в переводе с литовского языка означает «змея» в «драконоподобном» или «крокодилоподобном» образе. Одни были приручены в качестве домашних животных-охранителей, другие продолжали наводить ужас на людей своим людоедством. Те и другие выползали на берега из водных глубин и представляли собою реальных *ящеров* – «Богов-коркоделов». Именно так говорила о них Псковская летопись за 1582 год. С. Герберштейн в своих «Записках о Московских делах» сказал о местных *крокодилах* более пространно: *«Эта область изобилует роцями и лесами, в которых живут страшные существа, которые называются гавоиты (gyvate – в переводе с литовского означает „змея“».* И далее упоминает такой невероятный факт: *«Там и поныне очень много идолопоклонников, которые кормят у себя дома как бы пенатов, каких-то змей с четырьмя короткими лапами наподобие ящериц с черным и жирным телом, имеющих не более 3 пядей (60 – 75 см. – А.Т.) длину и называемых гавоитами (живоитами). В положенные дни люди очищают свой дом и с каким-то страхом, со всем семейством благоговейно приносят им жертвенную пищу, заботясь, чтобы божество-змея не было плохо накормлено».* (Герберштейн С. Записки о Московских делах. – СПб, 1908. – С. 178).

Английский дипломат Джером Горсей, который также проживал в России не менее 20 лет (1573 – 1591), в своих «Записках о Московии» вспоминал следующий случай: *«Когда мы переехали через реку, на берегу её лежал мертвый крокодил-змея. Мои люди пронзили его кольями. При этом распространился такой ужасный запах, что я отравился и долго был болен».*

Эти и другие письменные свидетельства из переписки начальствующих лиц государства дают понимание того, что на северо-востоке России и в соседних прибалтийских странах вплоть до XVII столетия на самом деле встречались загадочные водяные существа, обликом напоминающие крокодилов. Этот невероятный факт подтверждают наскальные рисунки и скульптурные фигурки существ, похожих на зубастых водяных хищников. Например, это так называемое «финно-угорское чудовище» с длинной зубастой пастью, какое изобразили на рисунке также очевидец с р. Амур В. С. Соколов или неизвестный художник каменного века из Якутии (петроглиф Аян-Юрях). Похожие медные фигурки «водяных ящеров» известны из находок с р. Колвы (Западная Сибирь). Таковы же головы ящеров на архитек-

турных конструкциях домов, ручках ковшей или «писалах» – (рогообразных стержнях для письма) из средневекового Новгорода. Причем «тела» этих письменных стержней оформлялись под рыбе туловище с широко раскрытой пастью хищника, либо в виде волчьей или медвежьей голов на рукояти.

А в декоративно-прикладном искусстве древних прибалтийских или тех же северных славянских племен присутствуют образы и более чудовищного облика, весьма похожие на *плеиозавра* из шотландского озера Лох-Несс, у которого голова на длинной шее при столь же вытянутом туловище, погруженном в воду. Впрочем, среди металлических фигурок бронзового века Восточной Европы существуют образцы целых туш похожих существ с отвислым брюхом. Отверстия в нижней их части могут указывать на прикреплявшиеся (не сохранившиеся) лапы или ласты. Довольно впечатляюща декоративная фигурка «финно-угорского чудовища», представляющая одновременно облик носорога с опущенной к земле тяжелой зубастой мордой и чешуйчатого «бронированного» крокодила, найденная на Севере России.

Но в холодном поясе планеты теплолюбивых крокодилов, каких мы знаем в наши дни в тропиках, быть не могло, так как они не пережили бы северной убийственной для них зимы. Следовательно, это были неизвестные науке похожие холодолюбивые земноводные существа, впадающие в зимнюю спячку в донном иле, чья кожа на самом деле (например, у жаб и других) выделяет при защите неприятно пахнущие, а то и ядовитые вещества.

К таким существам можно отнести так называемого *кулазуха* типа гигантской амфибии с четырьмя лапами, хвостом и необычайно широкой мордой лягушки. Её ископаемые останки в 1989 году были найдены в Австралии. Животные свободно жили на суше и в воде, но воде всё же отдавали большее предпочтение, и, что самое главное, хорошо адаптировались к низким температурам. *Кулазух* спокойно зимовал в спячке подо льдом за Южным полярным кругом, охотился на рыб, не брезговал и мелкими динозаврами. Имел длину туловища в 5 – 6 метров, причем на его пугающую голову уходило до 1 метра.

В северных широтах Земли, в условиях холода и угнетающего климата, такие амфибии-монстры мельчали массой тела, но продолжали жить. В середине XX века похожее существо было встречено на территории Государственного заповедника «Вишерский» Пермского края. А вот костей ископаемых или современных «крокодилов-змей» на территории России пока нигде не находили. Либо находили, но не могли опознать, как это случилось за столетие до этого при обнаружении останков мамонтов или динозавров. В Китае этот вид древнего ящера (гигантской водной *саламандры*) существует до сих пор, являясь самым крупным земноводным животным современности, а по «совместительству» – «живым ископаемым древности». Почему бы его сородичу не жить и в глубинах водной системы Русского Севера или той же Сибири?

Да, Сибирь холодна, но ведь именно там, как установлено палеонтологической наукой, растительоядные *стегозавры* – обладатели пластинчатого гребня на спине, – прожили на 20 млн. лет дольше, чем в других тропических частях земного шара. (*Елкина С. Русский динопарк. В поисках живого экспоната. – «Тайны XX века», 2023. – №43. – С. 22 – 23*). Ответа на такой вопрос пока не найдено.

На мелкой пластике, как мы говорили выше, эти «крокодилы» изображаются одинаковым статичным образом: крупная плоская морда, глаза навывкате. Далее следует «змеиное» тело с чешуей и четыре короткие лапы под отвислым брюхом. Известна серия археологических предметов и зарисовок современных очевидцев, где этот зверь представлен как бы плывущим по воде, отчего на поверхности водоема высовывается его голова на длинной шее; в такой позе он очень похож на фотографии облика *Лох-Несского плеиозавра*. В двух случаях передана его горбатая спина; в одном – крупное туловище. Есть также фигурки чудовищного вида рыб: у двух драконоподобная голова, у одной острый нос гигантской щуки, но эта рыба имела змеи-

ное туловище с длинным извивающимся хвостом. Что интересно, похожая «драконоподобная» рыба запечатлена на гербе одного из прибалтийских городов.

Судя по описаниям очевидцев, речной ящер мог жить как в водных глубинах, так и на суше. Языческие предания славян называют основными местами обитания страшного крокодиального существа озера Ильмень, Псковское, Белоозеро, Онега, реку Волхов и другие крупные водоемы прибалтийского Севера, и единодушны в том, что те требуют от людей «живой головы на «Сине-море». Характерный пример тому – былина про утопленного новгородского купца Сотко Сытниче (Садко), игрой на гусях принесшего **«царю Водянику»** озера Ильмень такое удовольствие, что тот сохранил ему жизнь и одарил богатым рыбным уловом. Существует этнографическое описание давнего обряда «умилостивления» богу Онежского озера, по которому в жертву местному крокодилу преподносили чучело человека в дырявой лодке.

Рассмотрим этот образ внимательнее, поскольку он на документальном материале имеет весьма древние корни. Представление о якобы реально жившем среди людей «коркодиле-ящере» у славян очень древен, он считался божеством – «хозяином» подводного (Нижнего) мира. **Ящер** – древний, устойчивый и вместе с тем неразгаданный полностью персонаж из пантеона североевропейского и русского язычества с эпохи бронзы до наших дней. Он является образом часто повторяющегося чудовищного животного как в мифологии, так и в предметах народного декоративно-прикладного искусства. Как «живое» существо, он упоминается более тысячи лет тому назад. Новгородец Григорий Богослов в «Слове об идолах» говорил: **«О в реку богыню нарицает и зверь, живуиц в ней, яко бога нарицая требу творить»**. (Аничков Е. В. *Язычество и древняя Русь*, – С. 93 – 94; Рыбаков Б. А. *Язычество древних славян*. – М., 1981. – С. 11 – 14).

В цикле сказаний о победе воеводы Добрыни Никитича над язычеством в пользу христианской веры (988 год) описывается его борьба со **Змеем-Горынычем** в Новгородской земле. В том же году победа над языческим **Змеем** произошла и на р. Почайне под Киевом: но там огненный **Змей** явился олицетворением степных половцев. Чуть ранее, согласно одному из преданий о сыне князя Словена – Волхове «бесоугодном и чародеем» – говорится, что тот был **«лют в людях, тогда бысть бесовскими ухищрениями и мечты (молитвы) творя и преобразуясь во образ лютого зверя коркодела и залегаша в той реце Волхове водный путь. И непоклоняющихся ему иных позираша, овых изверзая потопляше. Сего же ради люди, тогда невелиси сущим богом окаянного того нарицаху и «Грома» его или «Перуна» нарекоша (белорусским бо языком гром – «перун» нарицается)»**. (Иоакимовская *Летопись*).

Григорий Богослов в своём «Слове об идолах» писал: **«О в реку богыню нарицает и зверь, живуиц в ней, яко бога нарицая требу творити»**. Возможно, под этим «водным зверем», полагает акад. Б. А. Рыбаков, подразумевалась огромная ящерица, водившаяся в Восточной Европе вплоть до XVI в., когда их видел в немалом количестве С. Герберштейн во время своего путешествия по Московии. (Рыбаков Б. А. *Язычество древних славян...*, – С. 11 – 14). Это не тот ли змей, который по одной былинной версии ужалил вещего князя Олега под Новгородом: «Друзии его сказают, яко идущую ему за море и уклюну змия в ногу и с того умре; его могила в Ладози». (*Новгородская 1 Летопись*, с. 100).

По сведениям иностранного дипломата Адама Олеария (сер. XVII в.), под Новгородом имелось древнее языческое культовое капище в честь какого-то водного существа, внешне похожего на крокодила. Академик Б. А. Рыбаков подтверждает: отголоски архаического культа ящера сохранились там и в более позднее время, где общеплеменному святилищу богу **Перуну** (созданному воеводой Добрыней в 983 году) предшествовало такое же важное по общественной значимости более раннее культовое место по умилостивлению (задабриванию) «какого-то коркодила», а точнее – **Бога-Крокодила**. И вообще все болотные капища Севера России и Прибалтики, как показывают археологические раскопки, являлись у древних славян ритуальными местами почитания подводного божества **Ящера**, жертвы которому топили в водах

окружающих эти святилища многочисленных и обширных болот. (*Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М., 1987. – С. 155*). После отказа от языческой веры по настоянию принявшего христианское православие вел. князя Киевского и Новгородского Владимира Святославича, на разрушенном капище выстроили церковь Св. Николая. Скорее всего, такова же предыстория и многих других православных храмов, заменивших традиционные «намоленные» языческие святые места на севере Руси.

В «дославянские» времена культ водного крокодила в северной аридной зоне был более обширен географически. В космологических шаманских представлениях *угорских* и *самодийских* племен Нижний мир, как мы скажем далее, всегда изображался в виде *ящера* с волчьим ухом и разинутой пастью, поскольку считалось, что это страшное облик чудовище глотает вечером заходящее Солнце, а утром выпускает его. (*Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси., – С. 63 – 65*). Постоянен этот образ и в декоративно-прикладном искусстве славян VI – VII вв., но нигде он так не устойчив, как в Новгородской земле и в Сибири. К примеру, все ручки деревянных ковшей, как мы говорили выше, представляли в ранних вариантах тщательно обработанные скульптурные изображения крокодилообразного существа. (*Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. – САИ: Е 1—55. – М., 1971. – С. 35 – 36*). Автор называет их «мордами драконов», но у них нет обязательных для такого мифологического образа ни крыльев, ни костяного гребня на спине. Так что это существо всё же олицетворяет реальное животное типа крокодила или большой рыбы.

Это водное чудовище явно боялись. Не случайно их скульптурные оскалившиеся головы венчали носовые части плавучих судов, как знак почитания таинственного божественного жителя водных глубин. Такие же фигуры устанавливали на *кочах* (больших лодках) северорусские поморы и русские казаки-землепроходцы во время передвижения по сибирским рекам. Но там, судя по зарисовкам картографа Семёна Ремезова (XVII столетие), чудовищными водными животными считались не только драконоподобные существа, но и некие остроклювые птицы, лошади и некие «хоботные» животные типа мамонтов или носорогов. Трупы их, вытаскиваемые из вечной мерзлоты, иногда плывут во время половодий и сегодня по течению рек к Северному Ледовитому океану, словно живые, создавая реальность их обитания и в наши дни.

Славянскому населению Приднепровья культ водного монстра также был известен с VI – VII вв., о чем свидетельствуют находки бронзовых фибул (застежек плащей) с головой *ящера*. У него близко посаженные глаза, отмечены ноздри, пасть овальная или подпрямоугольная, есть короткие лапы, на теле отражено чешуйчатое покрытие. Тело широкое и короткое, заканчивающееся толстым, но не рыбьим, хвостом. Некоторые ученые полагают, что основой данной художественно-прикладной традиции могла послужить впечатляющая естественная природная скала длиной около 200 метров, лежащая в пойме реки Роси (у совр. города Корсунь-Шевченковском на Украине), имеющая облик как бы погрузившегося в воду окаменевшего ящера-крокодила. У него узкая морда с узкими щелями глаз, кроткие лапы, длинный хвост наземного животного и большое приземистое тело. Установлено, что данная скала в виде гигантского каменного *ящера* являлась древнейшим культовым языческим местом южных славян, а его впечатляющий вид действовал магически на воображение мастеров изготовления фибул, ковшей, прялок и других бытовых предметов того времени.

У северных племен расцвет культа водяного чудовища пришелся на X – XIII века, что видно по обилию его изображений в новгородском декоративно-прикладном искусстве. Из культовых вещей известен ритуальный жезл с головой чудовища, предназначавшийся для каких-то языческих церемоний. (*Колчин Б. А. Новгородские древности. – Табл. 29: 3*). Во время молений об удачных уловах рыбы накануне путины люди еще недавно обращались к Богу *Jassa* – царю вод в двух ипостасях: как к Богу озера Ильменя и вытекающей из него реки Волхова («чародей *Волхов*» – крокодил), и как к Богу «моря синего» – морского царя).

А *Jasse* (*Яшше*, или уменьшительное *Яша*) – это есть позднейший языческий Бог грома и воды прибалтийских племен *Перун*. Общее их наименование – «царь *Водяник*», языческий образ которого воплотился в *Николу Морского* (не путать с православным Николой Мирликийским – Богом водных стихий, русских путешественников и мореплавателей в Сибири). (*Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М., 1982. – С. 83*).

В новгородских старинных «подблюдных» песнях водное существо также именуется очень архаичными терминами – «змеиная крылица», «ящер-сударь», «ящер», более ласковым «*Яша*». Древние изображения рисуют его образ однозначно уверенно и согласованно, без тени фантазий. На ручках ковшей у ящера это выраженная крупная морда с огромной пастью и клыкастыми зубами. На шее в той или иной форме нанесена волнистая идеограмма воды, дающая понимание о его водной стихии обитания.

Современные игры в *Ящера* в Украине, на Руси, в Польше и Белоруссии являются отголосками древних языческих обрядов, суть которых – приношение в жертву молодых девушек, поскольку, мол, водяные существа женятся на утопленницах. (*Игры народов СССР. – М.-Л., 1933. – С. 229 – 232*). Сегодня это веселый выбор юношей-*Ящером* (*Яшей*) невесты из танцующего на берегу водоема хора празднично одетых «красных девиц». Но существует и прямой отголосок реального «кровавого» языческого обряда, когда куклу, одетую в девичью одежду, топили в воде. (*Белов А. К вопросу о характере и значении древних купальских обрядов и игр. – «Живая старина», 1896. – Вып. 1*). Это есть игровая культовая церемония умилоствления божества подводного мира путем принесения в жертву девушек, в старину действительно бросаемых в воду. У греков, скажем попутно, в середине лета по той же причине топили в море со скалы две жертвы – мужчину и женщину. (*Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957*).

Особым видом северных драконоподобных существ, живущих в местных водоемах, являлся двухголовый *ящер*, который одной головой заглатывает вечернее заходящее солнце под землю (воду), а головой, расположенной на противоположном конце туловища, изрыгает его во время утреннего восхода. Этот образ запечатлен на длинных серебряных цепях сложного плетения до 2 метров длины: они носились женщинами на шее, спускались ниже пояса, а головы их застегивались небольшим кольцом (солнцем?). В космологических композициях *угорских* и *самодийских* бляшек шаманского костюма Нижний мир всегда изображался в виде *ящера* с волчьим ухом и разинутой пастью для заглатывания вечернего заходящего солнца.

Но помимо девушек в жертву приносили и животных. Древние славянские летописи говорят о курах, которых резали, ели общей трапезой или «в воде потопляше». (*Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси., – С. 135 – 136*). Известны случаи, когда «в недалекую старину сталкивали в омут какого-нибудь запоздалого путника». (*Там же. – С. 95*). Жертвоприношения пленными врагами своим языческим божествам (в том числе и водяным), известны у многих соседних народов средневековья: *галлов, бриттов, поляков, литовцев, балтийских славян* и др.

Один из известных персонажей новгородской земли, принесенный в жертву озерному «хозяину» Ильменя, упоминавшийся выше купец Садко, где его музыкой заслушивались сам *Ящер* и его жена или дочь «царица *Белорыбица*». (*Новгородские былины. – М., 1987. – С. 180. – (Былины о Садко). – С. 148 – 242*). Об озере Ильмень в былинах также говорилось:

*...Не пошлины Поддонный царь требует,
А требует он голову человеческую.
(Новгородские былины. – С. 188).*

Обряд умилоствления божества Онежского озера 6 декабря еще в начале XX столетия описывался исследователями так: «*Каждый год накануне зимнего Николы пред всенощ-*

ной из каждой рыбацкой семьи к известному месту собираются старики. На берегу или делается человеческое туловище и в дырявой лодке отправляется в озеро, где, конечно, и тонет. Два-три старика поют песню, где просят Онего (царю озера) взять чучело соломенное. И для большей вразумительности называют имя Николая Морского». (Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – С. 83).

Об особом «аппетите» озерного крокодила Ильменя свидетельствует тот факт, что чаще всего в жертву ему приносили живую плоть покрупнее – лошадь, а то и нескольких животных сразу. На гусях, музыку которых любили слушать *Ящер* и *Белорыбница*, имеются вырезанные мастером сцены подобного языческого обряда. Прежде всего, верхняя часть инструмента оформлялась скульптурной головой и частью туловища мифологического водного чудовища. У одного из гуслей под головой изображены еще две маленькие головки детей-«ящерят». На других дополнительно есть рисунки приносимых в жертву двух конских голов.

Рассмотрим сцену жертвоприношения на одном из музейных экспонатов. Помимо огромного ящера изображена лошадь с низко опущенной головой и подогнутыми передними ногами. Морда коня касается рыболовных сетей, при помощи которых животное, вероятно, и утапливали в воде. Подобные же рисунки крокодилов среди речных волн присутствуют и на украинских бандурах, родственных русским гусям.

Многочисленные фольклорные данные определенно говорят о том, что *Водянику* действительно приносили в жертву живую лошадь, а в более поздние времена – конский череп. (Максимов С. В. *Нечистая неведомая и крестная сила*. – СПб, 1903. – С. 96). Впрочем, исследователь А. Н. Афанасьев описывал жертвоприношение конем водному «хозяину» и в пору этнографической современности: «*Крестьяне покупают миром лошадь, три дня откармливают её хлебом, потом надевают два жернова, голову обмазывают медом, в гриву вплетают красные ленты и в полночь опускают в прорубь или топят среди реки*». (Афанасьев А. Н. *Поэтические воззрения славян на природу*. – М., 1868. – Т. II. – С. 245).

Святой апостол Андрей Первозванный, по церковным преданиям, совсем не случайно посетил озеро Ильмень, если такое историческое событие имело место. В его время озеро являлось центром местных языческих культов «князю Волхова» в образе «лютого зверя коркодила». Здесь, при истоке реки из озера, уже стояло первое славянское поселение, а на острове располагалось самое значительное по размерам языческое святилище россиян, где почитали «могилу» морского царя. В некоторых играх действительно присутствует погребальный мотив – выкапывание ямы и поминки по *Ящеру*. (Игры народов СССР. – М.-Л., 1933. – С. 229 – 232). Древние предания так говорили (повторимся еще раз) о нем: «*Большой сын одного князя Словена – Волхов бесоугодный и чародей, лют в людях и тогда бысть и бесовскими ухищрениями и мечты творя и преобразуется во образ лютого зверя коркодела и залегаше в той реце Волхове водный путь. И непоклоняющихся ему овых пожираше, овых извержая потопляше. Сего же ради люди, тогда невегласи, суцим богом окояного того нарицаху и „Грома“ его или „Перуна“ нарекоша (белорусским бо языком гром „Перун“ нарицается)*». (Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси*. – М., 1987. – С. 253). Именно здесь новгородский воевода Добрыня (дядя жены «крестителя Руси» великого князя Новгородского и Киевского Владимира Святославича) и соорудил тысячу лет тому назад грандиозное капище в честь *Перуна*, хорошо изученное в настоящее время археологами. Оно напоминало обычные болотные святилища, но более значительных размеров, где на большом искусственном холме возвышался деревянный позолоченный идол с негасимыми огнями алтарей вокруг него (такой же стоял и на р. Почайне под Киевом).

Культ водяного ящера сохранялся в русском и белорусском фольклоре вплоть до XIX столетия. Но и позже, в первой половине XX века, местные рыбаки, следовавшие по Ильменю и Волхову, в качестве умиловительных жертв «поддонному царю» бросали в воду монеты и продукты пропитания.

Неспокойно жилось в те времена северянам в их селениях. Не только водные крокодилы свободно расхаживали по улицам деревень, пожирая все живое на своем пути. Появлялись у них и некие пришельцы-вампиры. Среди удивительных нелепых чудес того времени Летописи называют событие 1092 года, случившееся в Полоцком княжестве: *«В лето 6600. Предивно бысть чудо Полотьсце, в мьтите: бывъшии ночи; тутъи (топот, – А.Т.) стоняше, по улицы яко человецы ршущи беси. Аще къто вылезяше и с хоромины, хотя видети, абие уязвлен будяше невидимо от бесов язвою и с того умираху. И не смеяху излазити исходом. По семь же начаша а дъне являтися на коншу и на бе их видети самех, но конь их видети копыта. И тако являху люди полотьския и его область. Тем и человецы глаголяху, яко насие бают полочаны».* (Шахматов А. А. *Повесть временных лет.* – Пг., б/г – С. 271 – 272).

Здесь речь идет о нашествии неких вампиров-мертвецов на Полоцк. Ночью они пугали жителей страшным топотом, а днем скакали по улицам на невидимых конях, оставляя лишь следы копыт. Похожие на людей, они умерщвляли тех жителей Полоцка, кто оказывался на их пути или осмеливался из-за любопытства выглядывать из окон своих жилищ. Художник-очевидец изобразил чудовищных пришельцев в образе черных чертей: хвостатыми, мохнатыми, с огромными дикими глазами и со стоящими торчком волосами на голове. Горожане в испуге запирают дома и закрывают на окнах ставни. Слово **навь** или **навье** в старорусском языке означало «мертвец», или, точнее, невидимые души мертвецов. Чаще всего это иноплеменные мертвецы, души врагов или недоброжелателей. Нагрянули они в Полоцк целую пугающей шумною толпою. Скорее всего, это действительно были души степных кочевников, ибо *сарматы/половцы* причерноморских степей *тутонью* именовали своих мертвецов, а по-русски это «гром (шум)». Кстати, одно из имен ильменского *Перуна*, похожего на кровожадного крокодила, напомним, также было *«Гром»*.

Можно предположить, что в столь необычной форме изложения Нестор-летописец передал реальный факт одного из кочевнических набегов на Полоцкое княжество, ибо появление *навий* входит в один ряд с другими несчастьями и невзгодами, обрушившимися на Россию на заре становления славянского государства. В это время *половцы*, напав на славян, «принесли с собою» невиданную засуху (леса и болота «възгарахуса сами»), отчего многие люди заболели и умирали от различных недугов. Только за зиму 1062 года в Киеве скончалось 7000 человек – чуть ли не всё тогдашнее население великокняжеского города. После 1088 года, как пишут Летописи, с неба вдруг упал «огромный змей», приведший к еще более опустошительному людскому моровому поветрию, вплоть до берегов Балтийского моря.

Падали такие неведомые существа с неба и много позже. В архиве города Арзамаса имеется один любопытный документ, относящийся к Петровской эпохе. Это донесение земского начальника Василия Штыкова о невероятном происшествии во вверенном ему крае: *«Лета 1719 года июня 4 дня. Была в уезде буря великая, и смерч и град, и многие скоты и всякая живность погибли <...>. И упал с неба змий, Божьим гневом опаленный, и смердел отвратно. И помня Указ Божией милостью Государя нашего Всероссийского Петра Алексеевича от лета 1718 о Кунсткамере и сбору для ея диковин разных, монструзов (монстров, – А.Т.) и уродов всяких, каменьев небесных и разных чудес, змия сего бросили в бочку с крепким двойным вином».* К сожалению, до Кунсткамеры Санкт-Петербурга вещественное доказательство не доехало: по дороге сопровождающие мужики бочку разломали, «двойное вино» выпили, а «змеем», стало быть, закусили, о чем к делу также приложен соответствующий письменный документ.

Впрочем, специалисты по язычеству пишут, что по глубокому убеждению русских крестьян, «в ночь под Новый год бесчисленные сонмы богов выходят из преисподней <...> в эти страшные вечера». Среди них и так называемые *навии* – мертвецы. Некоторые Летописи говорят о них, как о реальных людях-всадниках, встающих из могил.

Стремление усмирить языческие злые силы и привели Андрея Первозванного к берегам Ильменя. Но он нашел здесь вовсе не славянских дикарей в звериных шкурах, а гостеприимных охотников, рыболовов и хлебопашцев. Жили они не только в шалашах или деревянных избах среди болот и лесов, но также имели города, окруженные защитными крепостными стенами и рвами, достаточными для крепкой обороны от враждебно настроенных соседей. Но, самое главное, местные мужчины и женщины были смелыми воинами. Летописец Нестор назвал их «великими телом и гордыми умом». Даже в далекой Византии знали об этой особенности северян, и были убеждены в том, что этих свободных людей «ничем не заставить их поддаться или подчиниться». (*Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и Испании. – «Ученые записки. Отделение Имп. Академии наук». – СПб, 1859. – Кн. V. – С. 129*).

Рыбообразные монстры наших дней

Вернемся к «крокодилам» из замерзающих северных водоемов России и Прибалтики. Вряд ли эти страшные монстры еще существуют в наши дни, но память об их реальном бытовании в недавнем прошлом не только жива, но и приобрела впечатляющие народные домыслы. Сегодня их «заменили» чудовищные рыбы из семейства *ганюидных* (ящери- или акулopodobных) хищников, встречи с которыми по-прежнему нежелательны для мелких животных и человека.

Например, в начале 90-х годов XX столетия в Ленинградских газетах прошла волна публикаций о страшной рыбе *пирмин*, неожиданно объявившейся в грязных водах Финского залива. Её встречали не только в воде Балтики, но также в болотах, во влажной траве; передвигалась она лапами-плавниками по земле и снежному покрову. Более того, по системе канализационных труб рыба эта была способна проникать (!), будто бы, в ванны и туалетные комнаты горожан. *Пирмин* обладала очень острыми зубами и мощными челюстями. Известны нападения её на людей: говорилось о 9 рабочих производственного объединения «Электросила», доставленных в больницу с тяжелейшими травмами от нападения водяных чудовищ прямо из ледяных лунок во время зимней рыбалки. Как рассказывали сами пострадавшие, однажды вода Финского залива вдруг «вскипела», и оттуда, из лунок, как пружины стали выскакивать длинные извивающиеся тела, похожие на змей. После их укусов – боль и потеря сознания. Бывали случаи, когда эти *пирмины*, якобы, перегрызали подземные кабели энергосистемы Ленинградского метро. (*Танасийчук В. Невероятная зоология. (Зоологические мифы и мистификации).* – М., 2011. – С. 111). Возможно, речь идет о *пираньях*, случайно занесенных с реки Амазонки океанскими траулерами? Но у рыб *пираний* совсем не длинное змееподобное тело, как у тех, кто навевался из Финского залива к людям. Добавим, что *пираньи* сегодня стали встречаться и в более холодных реках и озерах Сибири: там они также облюбовали наиболее загрязненные участки водных акваторий, привычных для их природной экологической ниши в Южной Америке.

Псковская область. Два друга-мальчика, купаясь, ныряли с резиновой лодки. И вдруг один из них, Петя, закричал товарищу:

– Саня, не могу ногой шевелить. Кто-то на дно тянет, словно гирию привязали... Вытаскивай меня!

С трудом тонущего мальчика удалось затащить в лодку. И тут следом неподалеку показалось из воды нечто похожее на корягу или толстую ветку, и также внезапно скрылось. Единственное, что успели рассмотреть друзья за бортом – это огромные щупальца существа явно не из местной фауны, похожего на небольшого осьминога. Как он попал в пресное озеро? Затем последовал ощутимый толчок, словно хищник собирался перевернуть легкую резиновую посудину. Спешно работая веслами, мальчики в страхе погребли к берегу, но одно весло чудовище успело зацепить и утащить в воду. (*Калинин А. Ужас в глубине.* – «Тайны XX века», 2023, №9, март. – С. 24).

На Волге был случай, когда купающегося мальчика наполовину проглотил гигантский речной сом. На отчаянный крик ребенка сбежали находившиеся поблизости мужики и застрелили водную хищницу. Но она успела стянуть с мальчика штаны и изрядно покусала тело. Как выяснилось, этот водный монстр жил в тени под плотами сплававшегося леса, подбирая пищевые отходы плотогонов. Она, и другие сородичи её сообщества, уже несколько раз пытались нападать на рабочих. Пойманным жирным сомом жители общегития рабочих питались две недели, а засушенные части туловища в виде вкусных балыков висели в сарае, разнося по становищу упоительные запахи. (*Черемушкина Н. В утробе сома.* – «Тайны XX века», 2021, №37, сентябрь. – С. 24).

Адово озеро Гайнского района Пермского края. Оно переполнено рыбой, но люди боятся её ловить, чтобы самим не стать пищей загадочного водного существа. Еще в XIX столетии кое-кто из местных жителей начал замечать в акватории водоема некое неизвестное крупное животное, которое при виде человека сразу же ныряло в глубину. Зато на озере начали бесследно пропадать собаки и мелкий домашний скот, приходящий на водопой. Один очевидец уверял, что рано утром он разглядел вынырнувшую из воды большую голову на длинной шее. В 1997 году группа заезжих рыбаков вновь увидела длиннее существо. Одним оно показалось рептилией, другим – странной рыбой-мутантом. Сошлись на мнении о неизвестном чудовище больших размеров типа Несси, и очень опасном. С тех пор никто на середину водоема не заплывает, а рыбачит исключительно на прибрежном мелководье. Интересно, что боятся этого озера и летающие животные. Лебеди, к примеру, всегда жмутся к побережью, а водоплавающие птицы никогда не садятся в центральной части акватории водоема.

По верованиям местных аборигенов *коми-пермяков*, в этом озере живет *Куль* – «плохой» Бог в образе гигантской безобразной щуки. Она топит в воде охотников и рыбаков, если они не угощают её жертвенной пищей. Одна старушка назвала эту гигантскую щуку «нешпшадно большой». Хвостом, говорит, как махнет, так и лодку с мужиками переворачивает. Между прочим, у финно-угорских народов, к которым относятся и *коми-пермяки*, щука считалась тотемным предком: её никогда не ловили и не употребляли в пищу. Такое действие считалось величайшим грехом и строго наказывалось. (*Смирнова И. Пермское Лох-Несс. Чудовище из Адова озера охотится за туристами. – «Загадки истории», 2018, №31. – С. 4 – 5.*)

В Карасунских озерах на Кубани живут (или жили совсем недавно) большие сомы длиной до 3 и более метров и свыше центнера весом. Известны случаи, когда эти водные монстры нападали не только на водоплавающих птиц или на домашних животных, но и пытались атаковать людей. В 2002 году один из журналистов едва не лишился жизни, когда был атакован огромной рыбиной во время любительского погружения в акваланге. (*Пейтиньши В. Мифы Краснодара. – «Тайны XX века», 2023, №28, июль. – С. 36 – 37.*)

В середине XX столетия вниз по рекам Уралу и Волге к Каспийскому морю направилась палеонтологическая экспедиция Института зоологии Академии наук СССР. Навстречу на нерест непрерывно шли косяки рыб. Каждое утро ученые просыпались от мощных всплесков, гулко разносившихся по воде от частых и сильных ударов больших рыбьих хвостов. На пути в одной из береговых заводей встретился некий завал из 12 беловатых «бревнышков». Но это оказались тела полутораметровых сомов, каждый килограммов по 20 весом. Появился соблазн поймать на белковое пропитание и более крупную рыбу, чтобы «не сидеть» на надоевших консервах. Как специалисты по животному миру, они знали, что 20 килограммов – это для сомов не предел. Тем более, что они видели большие экземпляры среди уловов в лодках встречавшихся местных рыбаков. Закинули перемет, и вскоре кто-то из массивных речных обитателей сорвался с крепкого стального тройного крюка. А когда орудие лова вытащили, то оно оказалось разогнуто, хотя для этого необходима недюжинная сила. Тогда на ужин член экспедиции Н. К. Верещагин подстрелил летящего тетерева и тот с шумом шлепнулся в воду за кормой лодки. Но тотчас оттуда высуналась какая-то широко блеснувшая в солнечном луче «коряга» и птица моментально исчезла вместе с ней в глубине реки. Кто это был? Ведь тетерев – птица не маленькая, тем более с перьями. Схвативший её «монстр» должен был иметь весьма широкую пасть, чтобы питаться кровавым мясом не пережевывая добычу. В данном случае он действительно проглотил тетерева вместе с длинным оперением и крепким костным скелетом, наблюдая из глубины реки за её падением после ружейного выстрела.

Конечно, все рыбы занимаются поклевкой мелких мошек, садящихся на воду, но такие невообразимые гиганты, как тетерев, им не по зубам (каковых, между прочим, они не имеют, тем более клыков, чтобы пережевать жесткую добычу). От такого видения, писал Н. К. Верещагин, «стало даже немного страшновато, и для купания в реке мы стали выбирать изолиро-

ванные от главного русла лагуны». (*Верещагин Н. К. Записки палеонтолога. По следам предков. – Л., 1981. – С. 15 – 16*).

На территориях приполярной холодной зоны нашей планеты из водных реликтов прошлых геологических эпох наиболее знаменита *Нессу* из озера Лох-Несс, что в Шотландии. О ней сказано немало «за» и «против», и поэтому нет необходимости повторяться. Укажем на других её «сородичей» в соседних водоемах. Чудовище *Мораг* обитает, будто бы, в озере Лох-Морер в той же Шотландии. Очевидцы сообщали о похожих явлениях в озерах Ирландии, Исландии, Швеции и Норвегии, девять месяцев находящихся подо льдом. Есть они и в Северной Америке с похожим холодным климатом. Толпы любопытствующих людей осаждают сегодня озеро Оканоган в Канаде: в нем, якобы, обитает *Огопого* – некое змееподобное существо с головой то ли лошади, то ли рептилии. «Нечто» водится в канадском озере Маскрат. Знаменит водоем Шамплейн на границе Канады и США: там живет *Шампн*, точь-в-точь напоминающий *Нессу* с фотографии 1975 года: у него маленькая головка с двумя рожками на длинной шее, имеющее огромное тело с горбом на спине. Когда в 1951 году в озере Шамплейн появилось водное чудовище, один азартный стрелок разрядил в него винтовку. Через несколько дней волны выбросили на берег громадного мертвого осетра с пулевым ранением в голову. (*Танасийчук В. Невероятная зоология.., – с. 69 – 109*).

Образ «живого плеиозавра» типа *Нессу* очень древен и уходит вглубь веков и тысячелетий задолго до того, как о нём стали говорить наши современники. Это подтверждает целая серия рисунков на скалах и скульптурных фигурок в декоративно-прикладном искусстве бронзового века у прибалтийских народов Восточной Европы, наряду с образами морского тюленя и... давно вымершего, как считается, шерстистого северного носорога.

Помимо крокодилообразных чудовищ в мифологии прибалтийских народов очень древен образ некоей гигантской рыбы *Туони*, которую изображали на прибрежных скалах еще в каменном веке предки *карелов* и *скандинавов*. Один из таких рисунков изучал К. Д. Лаушкин. Это была сцена рыбной охоты на то самое страшное животное. Всю сцену ученый назвал: «Мифический герой в лодке в лодке и рыба-чудовище» (по её громадным размерам). Уверенность в правильной интерпретации рисунка дал эпизод из преданий скандинавских народов о «космическом герое Ильмаринене, который боролся с гигантской щукой *Туони* из преисподней». С ней же воевал и другой герой эпоса «Калевала» Лемминскайнен. Скандинавский эпос говорит о ней так:

*Щука та не из огромных,
Но не очень чтоб не малых:
С топорнице язычище,
С рукоятку грабель – челюсть,
Пасть в широких три потока,
Шириной спина в семь лодок.*

(*Лаушкин К. Д. Онежское святилище. – Ч. 2: Опыт новой расшифровки некоторых петроглифов в Карелии // «Скандинавский сборник». – Таллин, 1962. – Вып. V. – С. 232 – 233; 286*).

Имя рыбы *Туони* созвучно с названием мифологической «страны *Туони* (*Туонела*)» в языческом культе мертвых. Одни рассказчики именовали стража (или «хозяина») этой страны гигантской щукой, другие – налимом. Образ этого существа также присутствует среди наскальных рисунков Бесова мыса в Карелии. В «Калевале» её с ужасом именуют водным существом *Мань* «со страшным зевом, в которую собирается бросить в качестве жертвы свою дочь старуха Лоуха, лишь бы та не стала насильно женой космического героя Иммариона». (*Там же, с. 208 – 209*). Судя по сценам морской охоты на петроглифах Карелии и Скандинавии, такой гигантской рыбой мог служить образ кита или иной крупной рыбы. На некоторых предметах декоративно-прикладного искусства это животное представлено массивной чешуй-

чатой рыбой, но с поистине безобразной чудовищной мордой, на что и указывает народный героический эпос «Калевала».

Некие морские чудовища встречаются и сегодня. Так, в январе 2016 года в Великобритании люди, гулявшие вдоль берега залива у города Бармут, увидели, как из воды всплыл невиданный монстр, похожий то ли на крокодила, то ли на огромного доисторического ящера, длиной туловища не менее 30 метров. (*«Тайны XX века», 2024, №28, июль. – С. 14 – 15*).

Тут к месту вспомнить и некоторые библейские истории. Например, о том, как ветхозаветный пророк Иона был проглочен гигантской рыбой (китом) и долгое время провел в её чреве, пока не был вызволен оттуда Богом. Заметим, что киты в районе Средиземноморья или Черного моря не водились. Им нужны более холодные воды приарктической зоны, к какой относился и Север Руси. Рыба эта явно считалась священной, так как в день поминовения пророка Ионы христианам запрещалось покупать или продавать любую рыбу, и тем более употреблять её в пищу во избежание неприятностей от небесных сил. (*Лякина Е. День пророка Ионы. – «Тайны XX века», 2022, №40, октябрь. – С. 28 – 29*). Тем не менее, образ пресноводного кита известен в мифологических преданиях российских славян: вспомним «чудюдо рыбу-кита» из сказок А. С. Пушкина. Она неподвижно лежала посреди водоема и была так огромна, что крестьяне построили на её спине жилую деревушку и обнесли её частоколом, «вбитым в ребра». Но такие невероятные размеры водяного животного следует отнести к домыслам поэта, хотя и у бурят Сибири существует образ мифической драконоподобной рыбы *Абарга-могое* на Байкале, которая также могла возлежать туловищем от берега к берегу и служить естественным «мостом» пересечения озера древними эпическими героями-богатырями на конях. А ширина Байкала, напомним, достигает от 40 (в южной части) до 75 (в средней части) километров. Безусловно, всё это гиперболы рассказчиков-улигершинов, но их цель – подчеркнуть этим громадные размеры реальных или мифических существ, которые, якобы, встречались в местных водоемах.

Образы гигантских рыб озер Сандинавии и Карелии интересны тем, что присутствуют в схожих редакциях и в фольклоре приарктических племен Сибири. Именно им, как уверяют рассказчики, принадлежат гигантские челюсти на берегах некоторых неизведанных тундровых озер, лежащие словно «ворота», через которые свободно проезжает всадник верхом на олене. (*Окладников А. П. Сибирские легенды и рассказы Нижней Лены // Сборник МАЭ, 1949. – Вып. XI. – С. 94; Он же: Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск, 19874. – С. 93 – 94*).

Языческий культ гигантских рыб и змей существовал с древности и у народов Кавказа. На петроглифах Гобустана, к примеру, среди комплекса многочисленных рисунков животных особо выделяются 3 образа рыб метровой длины и сопутствующих им пяти змей, в четверть их реальной длины (то есть не менее 4 метров каждая!). О рыбах ничего определенного сказать не могу, но основой представления о них могли послужить некие неизвестные существа Каспийского моря. Возможно такие, кто разогнул мощные стальные крючья перемета экспедиции палеонтологов в середине XX столетия и схватил пастью подстреленную тушу большого тетерева? Что касается змей, то объектами страха (и предметом обоготворения) могли стать агрессивные и огромные желтобрюхие полозы или страшная ядом и коварством гюрза – обычные пресмыкающиеся Гобустана, которых и в наши дни панически боятся местное население, как на суше, так и в воде. По древней мифологии, рыбы и змеи являются обитателями потустороннего водного Нижнего мира, и способны уносить с собою души живых людей, кто непочтителен к ним.

Но бывают на Кавказе и истории более впечатляющие. Вот какую сенсационную заметку мы нашли на страницах «серьезной» правительственной газеты СССР «Известия»: *«Это случилось в Черном море во время погружения подводной лаборатории «Бентос-500». На глубине примерно 100 метров один из гидронавтов заметил, как по правому борту мелькнула*

длинная тень. Какое-то существо, лениво извиваясь, подплыло к иллюминатору. Казалось, оно внимательно рассматривало своими выпученными глазами человека (через стекло) внутри аппарата. Никто из гидронавтов прежде такого не видел. Существо напоминало огромного змея серебристого цвета. Кто-то схватился за фотоаппарат. Но заснять на пленку подводное «чудище» не успел – оно (махнуло хвостом) и стремительно ушло на глубину...». (Щербань В. Встреча в пучине. – «Известия», 1985, 24 февраля).

Великая российская река Волга издревле славилась изобилием в ней рыб гигантских размеров, таких, как белуга, сом, судак, осётр и им подобных. А. П. Чехов однажды писал: «...в каждом трактире непременно найдешь соленую белугу с хреном. Сколько же в России солится белуги!». В начале XX века в Астрахани портовые рабочие объявили забастовку по поводу однообразия и скудости пищи, которой их кормил хозяин. Грузчики требовали на обед привычную диету в виде наваристых шей и каши, но жадный судовладелец ежедневно выдавал только... белужью черную икру, порою даже без хлеба. В ту пору фунт икры в сезон путины стоил всего полкопейки, в то время как перловой крупы 5, а черного хлеба – 3 копейки. Сегодня это кажется анекдотом, типа «если хлеба нет – ешь печенье».

Когда при Советской власти на Волге приступили к строительству серии гидроэлектростанций, государство пообещало поднять местную экономику за счет искусственного разведения мальков улов рыбы на реке до 1 млн. центнеров в год. Но планам не удалось сбыться. В замкнутых прогреваемых водохранилищах рыба стала погибать от изменения привычного ареала обитания. В конце XX столетия на Волге стали вылавливать не более 100 тыс. центнеров, из которых осетровые виды составляли лишь десятые доли процента. Сегодня обмельчевшая «Царь-рыба» сохранилась лишь в дельте Волги, за пределами гидроплотин, перекрывающих природные миграции водных обитателей. В искусственных водохранилищах уже давно не видели не только прежних осетровых гигантов (шипа, севрюгу, белугу, русского осетра), но и представителей «проходных» рыб из семейства сельдевых (волжская сельдь, каспийский пузан, сельдь Берка).

Их место заняли рыбы, прежде никогда не водившиеся в бассейне Волги. Например, в рыбацких уловах все чаще попадаются *речные угри* – невиданные для этих мест существа, похожие на змею. Среди вселенцев обычными стали и морские виды рыб, такие, как каспийская *рыба-игла* или бычок – *большеголовая пуголовка, чархальская тюлька* (из оз. Чархал на Урале). В 1960 году некоторые рыбхозы в качестве эксперимента стали разводить представителей американской ихтиофауны из рода *буффало*. Колхозов теперь нет, но их подопытные животные теперь встречаются по всей Волге, вытесняя аборигенную фауну. (Ерофеев В. Волжские пришельцы. – «Тайны XX века», 2018, №32, август. – С. 8 – 9).

Между прочим, исполинская волжская *белуга* формой своей морды очень напоминает морскую акулу. У нее такой же выступающий над челюстью нос, небольшие глаза поверх головы, и широкая зубастая пасть под рылом. В Астраханском краеведческом музее выставлено чучело рыбьего гиганта, и фотография того, как экскурсовод в качестве демонстрации свободно засунул свою голову в её глотку целиком по самую шею.

Рассказы о гигантских чудовищных рыбах и прочих водных существ Сибири и озера Байкал мы даем в последующих главах.

Дорога к сибирским людоедам

Уж если на Руси на полном серьезе говорили о животных-современниках чудовищного вида с ужасом, то можно представить, как отзывались «окультуренные» иностранцы о «чудесах» совершенно неведомой для европейцев природе далекой и пугающей Сибири.

Когда московский дворянин Постник Андреевич Бельский получил назначение на воеводское служение за Урал, в его семье было мало радости, но больше печали. В ту пору по Московии ходило множество невероятных слухов о трудных путях следования в этот далекий холодный край и о его дикарского вида аборигенных жителях. Ведь из россиян на рубеже XVI – XVII столетий еще мало кто бывал в неведомых восточных странах. Московское государство всё еще находилось под впечатлением недавней гибели казачьего отряда Ермака, снаряженного пермскими купцами Строгановыми во время войны с царем Сибирского царства Кучумом Муртазеевым, и жизненных мытарств последующих стрелецких полков, направленных царем на помощь отряду русского атамана.

Казачьи-землепроходцы, проделавшие пешком и на лыжах тысячи верст по горам, дремучим лесам, болотам, рекам и степным просторам Сибири, при возвращении домой пугали соотечественников своими впечатляющими воображение рассказами о невиданных суровых морозах, о летающих «тучах» таежного гнуса, пожирающих человека, о малой заселенности людьми зауральских земель, о дикости бытовой жизни аборигенных звероловов. В том числе и об их повальном каннибализме, о полном отсутствии там каких-либо хоженных сухопутных дорог, кроме звериных троп через леса и болота.

В то время по Московии получил хождение так называемый «Русский дорожник» – рукописное сочинение некоего безымянного автора, – который поведал не столько о путях на восток, сколько о живущих в тамошних лесах звериных человекообразных и иных чудовищах, которые, будто бы, нередко встречаются ошалелым от страха путникам в Сибири. А удивляться там было чему. Самыми пугающими из них являлись человекообразные людоеды фантастического облика. Немец Сигизмунд Герберштейн (1518 год), читавший этот «Дорожник», пересказывал удивительные истории о «стране Лукомории», где, якобы, обитают звероподобные люди: у одних, наподобие животных, всё тело обросло волосами; другие бродят по глухим местам с собачьими головами; третьи не имеют шеи, а головою им служит широкая грудь с глазами, носом и ртом...

Когда первые русские дружины проникли в неведомую Сибирь, то сразу же за Уральским хребтом их больше всего поразил факт бытовавшего наяву среди «диких» таежных и тундровых племен поголовного каннибализма, как обыденного, так и в качестве почетного кушания гостей мясом своих детей.

Один из таких народов – *самоеды*, то есть «люди, сами себя пожирающие». Как уверял новгородец Федор Товтыгин, часто ходивший к ним в гости, *самоеды* жили подобно тюленям, всю летнюю пору предпочитая находиться в студеной воде между арктическими льдами. Но это не было их прихотью. Оказывается, наступающее тепло являлось для береговых тундровых обитателей «вредным» для здоровья, при котором тела их почему-то «трескались». Единственным спасением, поэтому, для арктических аборигенов являлось долгое лежище в воде. Их тундровые соседи, хотя не «трескались» по теплу, но зато природа одарила удивительным обличьем: «по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх – как и прочии человеци». Питались аборигены рыбой и мясом, но исключительно в сыром виде, поскольку не знали огня. У других рот размещался на темени, «а видение в половину человеци», отчего они не имели голоса. Расрошив мясо или рыбу, эти человекообразные существа клали всё это себе под шапку, то есть в рот, «и как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз». Восточная группа *самоедов* отличалась тем, что впадала в зимнюю спячку на два самых холодных месяца года, как

медведи. Они садились общинами вокруг потухших костров и пускали из носа некие длинные струи, примерзающие к земле. Стоило столкнуть спящего с места или обломать эти струи, как диковинные люди просыпались, но тут же умирали во второй раз, теперь уже по-настоящему, успевая спросить у обидчика: «О чем мя еси, брате, поуродовал?». (Тиваненко А. В. *По следам таежных призраков. (Документальная повесть).* – Улан-Удэ, 1995. – С. 35 – 37).

Подобные же звериные облики имели и чудовищного вида рыбы и иные водные существа, обитавшие у берегов Северного Ледовитого океана, в сибирских реках и озерах. Например, на реке Тахнин, с которой географы связывают современные Иртыш или Обь, водилась, будто бы, «некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками, ногами и другими частями человеческого вида, но без всякого голоса; она, как и другие рыбы, представляет собою приятную пищу». (Алексеев М. П. *Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей.* – Иркутск, 1941. – С. 106).

Дословно повторяет слова Федора Товтыгина и его современник-иностранец Рафаэло Барберини (1565): «За Лукоморцами есть большая река, именуемая Таханин, в которой живут [существа], будто бы, совершенно похожие на человека, т.е. они имеют все те же члены, только покрытые чешуею, как у прочих рыб». (Алексеев М. П. *Сибирь в известиях..*, – С. 135).

Похожие сведения о чудовищных рыбах Сибири мы находим у французского путешественника и географа Андрэ Тевэ (1575 г.) в его «Всемирной космографии». Он одним из первых иностранцев побывал за Уралом северным морским путем на корабле, и поэтому его личные впечатления представляют большой интерес для науки по сравнению с компилятивными сочинениями других авторов, заимствованными у Герберштейна. Например, Тевэ писал: «Там водятся также рыбы-амфибии, логовища которых находятся на земле, в море и реках; самый же опасный их род тот, который тамошние люди называют Colkef; величиной они с английского дога и столь же хорошо вооружены зубами. В этом самом море находится такое большое изобилие других рыб, что это прямо кажется чудесным; притом они так безобразны, что подобных им не водится более где бы то ни было в другом месте на земле». По его словам, «Самоиты (Самоеды) означает людей, себя пожирающих». (Алексеев М. П. *Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей.* – Иркутск, 1941. – С. 145).

Английских мореплавателей Ричарда Джонсона и Стефена Бёрро, также побывавших в обширном устье р. Оби (пушкинском «Лукоморье»), больше всего интересовала обыденная жизнь народов *самоедов* и *вайгат*. Бёрро на полном серьезе описывал случаи съедения ими своих мертвецов и принесения мяса детей в качестве почетных кушаний гостям – «мертвецов они едят, едят своих детей». Пугающие рассказы россиян упоминали в своих публикациях за рубежом англичанин Джильос Флетчер (1591), швед Петр Петрей (1601 – 1610, немец Адам Олеарий (1647) и другие дипломаты. По Флетчеру: «Самоиты носят такое название от того, что они едят самих себя, ибо в прежние времена они жили как людоеды и ели друг друга; что это правдоподобно, можно заключить из того, что они и сейчас еще едят всякое сырое мясо, даже падаль, валяющуюся в ямах». Аналогичного мнения были Петр Петрей и Адам Олеарий: русские называли *самоедов* так потому, что они действительно «ели человеческое мясо и даже тела своих умерших и друзей, которое они смешивали с дичиной». Наконец, Самюэль Коллинз (1669) считал «самоедскими» все племена Северной Азии. Поэтому слово «Сибирь», по его мнению, буквально означает «Земля каннибалов» (людоедов).

Новгородец Федор Товтыгин хотя и был против того, чтобы европейцы изображали всех аборигенных сибиряков настоящими животными дикарями, но и в его рассказах имеется уточнение: «самоеды» живут охотой, едят сырую рыбу и оленье мясо, и только в крайнем случае голодовки «меж собою друг друга ядят». При этом они очень гостеприимны: если к ним пожаловал гость, то в его честь устраивался большой пир – «хозяева дети свои закаляют на гостей да кормят». Если по каким-то причинам гость у них умирал, «и они того скупают, а в землю

не хоронят, и своих також». А как это делалось всей общиной, много повествуют старинный фольклор и исторические предания всех аборигенных сибирских народов от Урала до Чукотки. (*Тиваненко А. В. По следам таежных призраков. (Документальная повесть). – Улан-Удэ, 1995*).

Возможно, из подобных баснословных источников черпал великий поэт Александр Сергеевич Пушкин фантастические образы для своих стихотворных сказок о «стране Лукомории», где:

*Там чудеса; там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...*

Между прочим, «страна Лукомория» – это реальный и сегодня географический объект: устье р. Оби в Западной Сибири, впадающей в Северный Ледовитый океан, и именуемый *Лукой моря*. Эту часть побережья впервые хорошо изучил и научно описал столетием позже родственник Сибирского воеводы П. А. Бельского – участник Северной экспедиции 1734 – 1737 годов А. И. Скуратов-Бельский – во время вынужденной зимовки экипажа своего зажатого в арктических льдах морского судна. (*Тиваненко А. В. Блестители Российской державы. (Скуратовы-Бельские в истории России). Опыт историко-генеалогического исследования. – М., 2012*).

Отсюда же родились образы якобы живущей там всевозможной болотной и лесной нечисти «Заморья» во главе со страшным волосатым чудовищем-человеком из сказки С. Т. Аксакова «Аленький цветочек»: все они пытаются помешать торговым делам новгородского купца, попавшего за Урал. Напомним, что в Сибирь ходили не только казачьи дружины, но и ватаги торговых, «промышленных» или «гулящих» людей, порою опережая государственные военные отряды. А в «Лукоморье» новгородцы вообще впервые попали через Северный Ледовитый океан за несколько столетий до знаменитых походов казачьего отряда атамана Ермака Тимофеевича Еленина (Оленина).

Иностранцы смеялись над подобными рассказами, но москвитяне под крестным знаменем перед Богом уверяли сомневающихся в реальности удивительных историй: нет, мол, ни одного россиянина, который, вернувшись из Сибири, не говорил бы о подобном.

Самоеды, ездившие по горам Урала на оленях и собаках, ели сырое оленье мясо, но не брезговали также околевшей собачатиной и бобровиной, «а кровь пьют человечесю и всякую». Экзотичным показалось Федору Товтыгину и местное лечение: «у которово человека внутри нездорово, и они брюхо режут да нутрь вынимают», как это применялось аборигенами-шаманистами при кровавых жертвоприношениях животными и людьми своим языческим богам. Между прочим, подобные обычаи бытовали у всех аборигенных сибирских жителей, что сильно удивляло российских служилых людей первых городов и острогов. (*Тиваненко А. В. По следам таежных призраков. (Документальная повесть). – Улан-Удэ, 1995*). В конечном итоге русский информатор английских купцов-мореплавателей Федор Товтыгин, неоднократно ходивший в Западную Сибирь к «самоедам» гостевать, из последнего похода домой не вернулся – он был убит и благополучно съеден своими же «зауральскими» друзьями-каннибалами во время очередного праздничного пиршества в его честь.

Что ходить далеко за примерами, если такие события случались за Уралом повсеместно и в более поздние времена. Например, газета «Сибирь» за 1814 год сообщала: крещеный якут Налтанов «не от голода, и не в безумии, а по одному лишь зверскому сластолюбию, удавил своих дочерей, 12 и 18 лет, изрубил их тела, сварил и съел, причем в кровавой трапезе с ним участвовали гости – крещеная якутка Сотникова с дочерью». В 1883 году газета «Енисейские губернские ведомости» также описывала факт каннибализма, когда остяк Киприан

Чероков, доведенный голодом «до крайности», съел двух своих сыновей, накануне умерших от истощения. Подобные истории считались обыденными явлениями у всех аборигенных народов Сибири. Известны чукотские рисунки сцены поедания человека (ребенка?) двумя волосатыми каннибалами громадного роста. Второй рисунок изображает пленного великана, руки, ноги и голова которого прикреплены веревками и кольями к земле. Три человека убивают его копьями. После этой процедуры, надо полагать, ценный «охотничий» трофей был благополучно съеден на чукотском родовом общинном пиршестве.

Постник Бельский, готовившийся для поездки в Сибирь, внимательно прислушивался к таким фантастическим рассказам, пытаясь отделить правду от слухов. И причина тому была: его польский предок Мартин Бельский, – известный в Европе ученый-географ – в своей необыкновенно популярной «Хронике» также писал о диких племенах Сибири: *«Люди, глаголемые сатыре (сатиры, – А.Т.), жилище их в лесах и по горам; а хождение их скоро: егда текут (т.е. убегают, – А.Т.), никто не может настигнути их, а ходят наги, а живут со зверьми, а тела их обросли волосами, а языком не говорят, токмо голосом кричат».*

А вот удивительная история так называемого «Березовского чуда» из забытого уже архивного дела краеведческого музея города Салехарда. В 1845 году два зверопромышленника, *остяк* Фалилей Лыкысов и *самоед* Обыль, застрелили необыкновенное лесное существо, у которого, по словам розыскного дела, «постав человеческий, роста аршина три, глаз один во лбу, а другой на щеке, шкура довольно толстой шерсти плотнее соболиной, скулы голыя, у рук вместо пальцев когти, у ног пальцев не имел, мужского полу». «Ежегодник» Тобольского музея писал об убитом: *«Ростом 3 аршина, мохнатый, не имелось шерсти только на носу и щеках; шерсть густая, длиной полвершка, цвету черноватого, у ног пальцев нет, пяты востроватые, у рук персты с когтями <...>. Тело чудовища сего оставили без предохранения на том месте».*

Эти и подобные случаи описаны в книгах: *Тиваненко А. В. По следам таежных призраков. – Улан-Удэ, 1995; Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. – Иркутск, 1941; Титов А. Сибирь в XVII веке // Сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях. – М., 1890; Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности Московского археологического общества. – М., 1906. – Т. XIV; Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. – Л., 1925; Гурвич И. С. Таинственный чучуна. – М., 1975; Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. – М., 1961; Мезенцев В. А. Энциклопедия чудес. М., 1974. – Кн.2: Загадки живой природы; Он же: В лабиринтах живой природы. – М., 1979 и др.*

Следуя по территории Сибири к месту казачьей воинской или чиновничьей службы, россияне слышали немало подобных баек, причем рассказчики показывали ошарашенным новичкам даже конкретные места обитания диких чудовищного вида «человекообразных» современников, которых нужно опасаться. Это приводило к необходимости применять меры предосторожности во время пути и организовывать вооруженную охрану на привалах отдыха во избежание возможных разбойных нападений аборигенных жителей. Причем не только на суше, но и на воде, если они передвигались на судах. Даже в наши дни кое-где можно услышать рассказы о том, что в речных глубинах и на дне сибирских озер всё еще водятся некие рыбы, совершенное похожие на человека: у них те же руки и ноги, только тело покрыто чешуей, «как у прочих рыб». В таком описании перед нами предстает фантастический образ речных *русалок*, в существовании которых люди и сегодня верят почему-то больше всего. Опасность от них в том, что эти водные «соблазнительницы» женского облика очень любят питаться человечинной мужского пола, которых они заманивают сладострастным пением в воду и потопляют.

Самым невероятным водным существом жители Европы считали большого по массе тела *моржа* Северного Ледовитого океана. Польский историк Матвей Меховский (1517 г.) имел сведения от сибирских землепроходцев о ловле *югорскими* («самоедскими») племенами рыб,

китов («морских коров») или «морских собак». А вот с чудовищного вида моржами россияне старались никаких дел не иметь. Время от времени, выползая из морских глубин, те взбирались на прибрежные скалы Уральского хребта при помощи своих мощных клыков, и оттуда скатывались по снегу на противоположную сторону горы, либо засыпали на перевалах от усталости передвижения. Тогда местные охотники-аборигены выходили скопом добывать животных для пищи, а их клыки, «довольно большие, широкие, белые и тяжелые», продавали «москвитянам» за большие деньги, либо расплачивались ими с русскими властями в качестве ежегодной дани. (Алексеев М. П. Ук. соч., – С. 81).

На эту удивительную способность арктических моржей совершать зачем-то длительные пешие переходы по суше обращали внимание многие иностранные путешественники той поры. Климент Адамс: «В прилегающем море живет зверь, которого называют морж; он отыскивает себе пищу на скалах, поднимаясь туда с помощью зубов». О том же писал и Ант Вид. (Michov H. Die altesten Kerten von Russland. – Hamburg, 1884. – s. 83). Страх перед этим диковинным водным зверем зафиксирован даже в его названии: немецкое слово **morsse** созвучно с латинским пугающим словом **mors** — «смерть». (Алексеев М. П. Ук., соч., – С. 83). То есть, «смерти подобное существо».

Судя по размещенным в книгах европейских авторов рисункам, арктический морж на самом деле представлял существо, мало похожее на знакомого нам мирного и спокойного тюленя. В нем было немало физиологических черт зубастой хищной акулы или крокодила. Норвежский архиепископ Олас Мангус сравнил моржа с «невероятной морской свиньей, которая с помощью своих зубов, как по лестнице, залезает на вершины скал, чтобы с этой высоты скатиться обратно в воду, если там не уснет, повиснув на скале». На одном из рисунков мы видим некую оскаленную зубастую морду с узкими глазами. Его спина и жабры имеют длинные острые иглы, а само грузное тело опирается на мощные когтистые лапы. Зато рыбий хвост очень короткий и мало полезен для маневрирования и развития скорости во время передвижения по суше.

Помимо моржа-крокодила Мангус упоминает и некоего «морского волка» – гигантского **рака**, ростом в несколько раз больше человека. Есть у него в книге также зарисовки таинственного «морского змея» и такого неестественного для ледяного водоема животного, как гигантский **осьминог**. *Осьминог* этот имел вид не менее злобного тюленя с «воротником» из щупалец. Существуют зарисовки в книге «Космография» Себастьяна Мюнстера (Базель, 1550) «морских чудовищ Сибири», и некоего огромного водного существа, превышающего моржа в несколько раз. То, что данный образ есть искаженное производное от облика **кита**, свидетельствует фонтан воды, поднимающийся из его темени при выдыхании. (Танасийчук В. Невероятная зоология. (Зоологические мифы и мистификации). – М., 2011).

Даже в ту пору, когда Россия прочно утвердилась в Западной Сибири, имела города и систему государственного управления, служилые люди и крестьяне с опаской относились к соседствующим аборигенам, хотя и тесно соприкоснулись с их традиционной культурой и обычаям. Вот только две фразы из «Сибирской летописи», которую читал, пусть и в расходящихся списках, каждый человек, который ехал в Сибирь: «**Пегая же орда и остяки и самоедъ закона не имеют, но идолам поклоняются и жертвы приносят. Зверина же и гадска мясo ядят, и кровь пьют, яко воду, и корение ядят**». Последняя фраза в одном из вариантов Летописи звучит так: «**Сыроятцы суще, зверская же и гадская мясo ядят и кровь пьют, яко воду, и траву и коренья всякая ядят**». (ПСРЛ: Полное собрание русских летописей. – Т. 36: Сибирские летописи. – Часть 1: Группа Есиповской летописи. – М., 1987. – С. 32, 38).

Крокодилы северных широт

Крокодилы являются близкими родственниками *динозавров*, и пришли они, естественно, к нам из другого, доисторического времени. Человечество хранит в своей памяти немало историй о невероятном, почти мистическом ужасе предков и коварстве этих страшных рептилий. Ведь и мифических *чертей* и *драконов* часто изображают с крокодильими мордами. Наши предки прошлых столетий твердо верили в существование рядом с человеком чудовищного вида живых современников. Многие были убеждены, что их можно «запросто» встретить не только на лесных звериных тропах, но и буквально на пороге собственного дома.

Как мы покажем далее, крокодилов насчитывается десятки видов и подвидов. Но в данной главе мы возьмем только один персонаж живой природы недавнего прошлого – таинственного кровожадного озерно-речного *крокодила* северных широт, с которым наши славянские предки тесно «сожительствовали». О нём много говорили в свое время россияне средневековья и народы Балтики. Псковская летопись описывает, как мы показали выше, одно из нападений их на людей за 1582 год. В середине столетия жители Литовского государства «откупались» от них тем, что подкармливали речных чудовищ. Это были некие *змеи-рыбы* с толстым черным и жирным телом, четырьмя короткими лапами и длинной зубастой пастью. В целом они напоминали больших водных ящериц. В Справочнике о Московии того времени говорилось: «*Крокодил, зверь водный, хребет его аки гребень, хобот змиев, глаза василискова. А егда имать человека исти, тогда плачет и рыдает, а ясти не перестает, а егда главу от тела оторвав, зря на нее – плачет*». (Сказания русского народа», собранные в начале XIX века *И. Сахаровым*). Здесь мы видим характерное описание туловища типа современного крокодила южных широт, кроме такой непонятной детали, как «хобот змиев».

Отсюда сделаем экскурсы в прошлое и настоящее.

У римского автора Плиния, к примеру, в его «Естественной истории», есть ссылка на Теофраста, рассказывавшего о необыкновенных рыбах Азии. Их удивительная особенность заключалась в том, что они имели способность переползать по суше от реки к реке, употребляя свои плавники вместо лап. (*Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. – Иркутск, 1941*). Некоторые комментаторы полагали, что речь идет о морском *тюлене* или о его «озерно-речной» разновидности типа байкальской *нерпы*. Однако тюлень, действительно опирающийся на передние лапы, способен преодолевать при своей тяжелой массивной туше лишь небольшие расстояния (не случайно во время следования он от усталости «засыпает»). Иное дело, если загадочная «необыкновенная рыба» Теофраста вместо плавников имела мощные когтистые лапы. Тогда это уже не рыба, а «крокодил», или похожее на него неизвестное реликтовое водное существо.

Был такой крокодил известен современникам в XVII столетии и в Сибири. В 1675 году Российский посол в Китай Николай Спафарий, следуя по Иртышу, услышал от местных лоцманов немало историй о чудовищных рыбах сибирской реки, и рассказы эти заставляли царского посланника с опаской поглядывать за борт лодки на внешне спокойное течение Иртыша. Проводники уверяли: водятся в нем существа, похожие на рыб и человека одновременно; у них те же руки и ноги, только тело покрыто чешуею, «как у прочих рыб»; они любят питаться человечиною.

Как человек образованный, Николай Спафарий старался отмечать в своем походном дневнике только реальные сведения о путешествии по Сибири, но и в них порою находили отражения факты фантастического характера. Против его восхищения переизбытком речной фауны гигантских размеров ничего не имеем. К примеру: «А рыбы в Иртышу многочисленны и разные, наипаче осетры, стерляди и иные многие и разные, кроме белуги; для того (поэтому, –

А.Т.) и жители той реки больше рыбою питаются», хотя им, кочевникам-скотоводам, было бы привычнее соблюдать мясную диету.

Удивительные сведения поступили Спафарию с казахстанских верховьев Иртыша. Там, как говорили местные аборигены, озеро Кизылбаш имеет «воду пресную зеленую», населено множеством рыб и зверей. Но среди этой водной живности *«есть зверь некоторый незнаемый, который ловит лебедей и гусей и иные птицы, будто крокодил; и можно бы и крокодилом быти, только никто не ведает»*. (Спафарий Н. Путешествие через Сибирь до границ Китая. – Чита, 2009. – С. 15).

Славилась изобилием рыбы и река Обь несколько восточнее Иртыша: *«А рыбы всякой в той реке зело множество, а наипаче осетров великих ловят. А особая рыба есть муксун, которая зело добрая (в пищу, – А.Т.). И кажется, из моря идет (Северного Ледовитого океана, – А.Т.). И столь множество по ней рыбы есть, что ни на одной (другой, – А.Т.) реке и жирней невозможно быть»*. Правда, ханты-мансийские аборигены говорили о реке совсем другое. А именно то, что параллельно ей под землей течет другая река, её «двойник». В переводе на русский язык её название можно перевести как «Ненасытная» утопляемыми людьми. Это есть граница между миром живых людей и Нижним миром умерших. И течет по ней не вовсе вода, а слезы и кровь несчастных жертв. В ней обитают чудовищные животные «рыбьего» происхождения. А иногда, мол, от побережий Северного Ледовитого океана вверх по Оби с шумом и грохотом приплывают незваные «гости» на множестве лодок с берестяными бортами и похищают детей. (Лякина Е. Башни сатаны. – «Тайны XX века», 2024, № Башни сатаны. – «Тайны XX века», 2024, №43, октябрь. – С. 32 – 33).

Поступили ему сведения и о Телецком озере и реке Катунь на Алтае, в водах которых помимо множества рыб обитает и неведомая *морская нерпа*. Хотя она, вроде бы, и мирное животное, «но лучше всегда держаться от неё подальше, ибо большие клыки и когти имеет».

Пугающие известия поступали с верховьев реки Чибитка на Алтайских горах. Там, на высоте 1816 метров над уровнем моря расположено загадочное озеро Чейбеккель («Вытянутое озеро»), которое чаще всего в народе называли «Мертвым озером». Мало того, что в нем не водилась рыба, но и птицы не садились на деревья, растущие вдоль его берегов. По уверениям алтайских аборигенов, в глубинах высокогорного озера обитают некие чудовищные духи, которые не терпят посторонних на своей территории. Люди, приходившие к водоему, вскоре умирали в страшных мучениях, а иные вообще пропадали бесследно. Однако водного монстра еще никто никогда не видел и не мог его визуальным образом описать. (Лякина Е. Башни сатаны. – С. 32 – 33).

Чем далее на восток шел по таежным сибирским рекам Николай Спафарий в сторону Китая, тем больше пугающих «небылиц» рассказывали ему местные аборигены о водяных чудовищах, которых, мол, можно неожиданно встретить в холодных водоемах их холодных земель. Например, в озере Байкал помимо «переполненности» водоема гигантскими осетрами, ситами «и иных всяких рыб», Николай Спафарий впервые увидел, наконец, такое диковинное для него животное, как *«зверь нерпа»*. Ту же картину рыбного изобилия царский посланник нашел на реке Аргунь, и особенно в громадном озере китайской Маньчжурии Далайноре. Отсутствие видимости противоположного берега создало у него впечатление, что оно по площади акватории даже больше Байкала (но это от того, что водоем расположен в степной местности, а не окружен высокими горными хребтами, как Байкал). Летом на Далае бывают такие бури и волны, что никто не решался выходить на ловлю рыбы ввиду отсутствия у местных аборигенов больших судов, впрочем, как и малых.

Самое примечательное в отзыве Спафария об этом озере то, что он говорит о большой глубине по тому факту, что помимо «рыбы всякой великой и малой» там обитают и *киты*, которые «есть в море рыба большая», и «нерпы в нём есть». Как они попадают вглубь Азиатского материка? Комментаторы его дневников полагают, что следуют вверх по Амуру и далее

по Аргуни, которые в старые времена, как единая река под разными названиями, имели общий исток из озера Далай. (*Спафарий Н. Путешествие через Сибирь до границ Китая...*). Хотя для китов, надо признать, преодолеть такой длинный путь представляет немалую трудность даже в половодье, особенно тогда, когда поток воды становится очень мутным от размыва берегов. Наличие более высоких береговых террас забайкальско-монгольских водоемов действительно свидетельствует об их значительной полноводности в прошлом

Если бы Николай Спафарий записывал в свой дневник все сведения, которыми его снабжали местные жители, начиная с Западной Сибири, то его позже изданная книга о путешествии по Азии не уступала бы «Русскому дорожнику», ибо сибирская мифология на самом деле полна удивительных сведений о местных водных существах чудовищного облика.

Например, по уверениям нарымских *селькупов* на берегах рек часто попадаются огромные *змеи*, «толщиной с бревно». Оставляемый ими след по земле отличается отсутствием на ней травы. Такого *змея* многие народы Сибири именовали *Дябдаром* (у нанайцев это *Дябдя*). Чудовищного животного из-за страха не только не убивали, но и вообще боялись подходить близко к местам его жительства. Некоторые исследователи полагают, что хотя культ *змей* сегодня ярко не сохранился, но он в древние времена существовал как языческое поклонение родоплеменному тотему. О его древности свидетельствует эвенкийское мифологическое предание, согласно которому Землю создавали после таяния Великого ледника *Мамонт* и *Змей*. Когда образовался первый зеленый клочок суши, компаньоны-учредители стали драться за её единоличное обладание, пока оба не провалились обратно в водную стихию, став духами-«хозяевами» Нижнего потустороннего мира мёртвых. Что еще интересно – похожие предания имеются и у украинцев, что свидетельствует о широком распространении мифологического образа *Змея* от Амура до Днепра. По украинской мифологии, страшный *Змей* обложил тяжелой данью человеческие общины и мучил их требованиями ежегодной выдачей молодых девушек в качестве жертвы, пока народный герой Коваль не победил злое существо, и не запряг в плуг, заставив пахать землю. Из борозды возник Днепр, а из вывороченной земли появились Днепровские пороги. Конечные морены отступившего Великого ледника до сих пор носят на Украине имя «Змиевых валов». Есть и другой вариант предания: витязь Кирило Кожемяко запряг в плуг *дракона-Змея* и заставил окружить Киев защитным валом. Здесь, на наш взгляд, соединились реальные воспоминания о борьбе славян со скифами, гуннами, печенегам и татаро-монгольской ордой в образе пришедших из глубин Центральной Азии кровожадных «змеев-драконов».

Больше всего фантастических рассказов бытовало в Западной Сибири и на Алтае. Духом-«хозяином» реки Енисей считалась огромная рыба, способная останавливать своим телом плоты деревьев. У хакасов ею считалось рогатое животное, чаще всего *Синий бык* – хозяин водного источника. (*Майонгашева В. Е. Некоторые сюжеты Сивого (Синего) и Черного быков в фольклоре Саяно-Алтайских тюркоязычных народов // Алтайский фольклор и литература. – Горно-Алтайск, 1982*). Во время весеннего половодья хакасы умерщвляли бычка и спускали его на плоту вниз по Енисею как жертвенный дар водной стихии Нижнего мира. На алтайском языке имя чудовища звучит *Кар-боку* (мамонт), или *Кар-буга/пуга* (бык), а *кар* – означает понятие «необыкновенный», «огромный», «чудовище», «чудовищный», «страшно большой» зверь, применительно к рыбе *Кар-балык* (*балык/палыг* – «рыба»); другое значение слова – «гнилой», то есть «древний». (*Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий. – Т. II. – СПб, 1895. – стлб. 1083*).

Как видно из отрывка походного дневника, Николай Спафарий спокойно встретил бытовавшие с глубокой старины вести о существовании в зоне вечной мерзлоты Западной Сибири «рыб-крокодилов-мамонтов-лосей», считая их не вымышленными, а вполне реальными животными своего времени. Спокойно потому, вероятно, что за столетие до него подобная молва уже была запечатлена, как мы говорили выше, в ходившем по Москве «Русском дорожнике».

Основываясь на него, иностранные посланники С. Герберштейн (1549), Рафаэло Барберини (1565), Алессандро Гваньини (1578) и другие часто упоминали некую реку Таханин, населенную этими чудовищными «рыбами-крокодилами». Р. Барберини, напомним, писал: *«В реке Таханин водится также некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками и ногами и другими частями совершенно человеческого вида, но без всякого голоса; она, как и другие рыбы, представляет собой приятную пищу»*. (Алексеев М. П. Ук., соч., – С. 106). Причем Барберини дает народному преданию точную географическую привязку – большая река Таханин находится за Лукоморьем, *«в которой живут будто бы рыбы, совершенно похожие на человека, т.е. они имеют все те же члены, только покрыты чешуей, как у прочих рыб»*. (Алексеев М. П., – С. 135). Новое, что мы находим у Алессандро Гваньини, это вариант названия реки Таханин на Тахлин, а река Коссин, «пробежав Лукоморье», впадает в нее». (Алексеев М. П., Сибирь в известиях., – С. 156). Николай Витсен (1674) предлагал видеть в Таханине реку Енисей. (*Vitsen N. Nord en Oost Tartarie. – 1692. – С. 468, 477—480, 539*). Однако, учитывая близость Таханина к северной области Лукоморье, можно полагать, что речь идет об одной из самых крупных трех рек Западной Сибири, к которой могут относиться Обь, Тобол или Иртыш. Поэтому до Николая Спафария и его спутников дошли не менее яркие отголоски былых преданий местных аборигенов о водных обитателях холодных ледяных при- тундровых рек и озер.

Слышал такие рассказы в 1692 году и в Восточной Сибири русской посланник в Китай Исбрандт Идес, писавший о Байкале: *«В озере много рыбы, осетров, шук, причем некоторые бывают так велики, что каждая рыба имеет весом до 200 немецких фунтов»*. Заинтересовала посланника и байкальская нерпа, которую он не знал, каким именем назвать: *«В том озере водятся необыкновенные усатые морские животные, все черные и без шерсти, с большими пленительными черными глазами, каких нет в других озерах мира; они настолько любопытны, что часто высовываются из-под воды по пояс и наблюдают за людьми; головы у них как у собаки»*. Бытовали подобные фантастические представления, по его словам, и у более южных и восточных соседних народов того времени.

Источником для российских и европейских познаний о диковинных фантастических животных рек и озер Сибири послужили шаманские верования древних народов региона, из которых непосредственно за Уралом наиболее известны сегодня ханты и манси (прежние самоеды). В их рассказах неведомые животные имеют как реальные облики шук, тайменей, осетров и пр., так и фантастических ипостасей: «рогатых шук», мамонтов, медведей, быков, лосей, но всегда те и другие имеют громадные размеры, зубы хищников и рыбы плавники наряду с когтистыми лапами.

Среди богов шаманского мансийского пантеона видное место принадлежит *Вит-хону* – владыке вод рек и озер. Ему и его дочери *Вит-хон аги* аборигены трижды в год совершали жертвенные подношения коровой или овцой на прибрежных капищах-святилищах при реках Ляпин, Тавда, Обь, Сосьва. Существует описание «Старика Обского» (*Ак-торума*) этнографом Г. Новицким: *«Доска некая, нос аки труба жестяна, очеса стеклянны, роги на голове малые...»*. (Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком. – Новосибирск, 1941. – С. 59). На озере Турват манси рассказывали режиссеру М. А. Заплатину: *«Куль водится у нас, в Турвате. То ли щука громадная, то ли што. Метров шесть длины, светлая. Блестит как серебро, когда в ясный день выплывает. Живет этот куль где-то в яме»*. (Заплатин М. А. Хранит тайга языческие тайны. – Атеистические чтения. – Вып. 12. – М., 1982. – С. 86).

Другое название *куля* – *Ялтын-уй*, что означает «священный зверь». Причем слово *уй* это «вода»; следовательно, данное существо было тесно связано с реками и озерами. Старшее поколение хантов и манси не сомневалось в реальном существовании *Ялтын-уя*, и говорило, что он имеет туловище длиной несколько сажень. Внешне напоминает ящерицу. Другие оче-

видцы описывают его водяным змеем, длиною до 4 сажений, но раньше он достигал 7 – 8 сажений длины. Весною издает звуки, похожие на крик утки. Всех, кто попадает на его глаза, он моментально убивает. Нападая на человека, водный монстр обвивает его и душит, словно удав, затем перетирает тело жертвы своими костными пластинами. Говорили об одном рыбаке, который сумел отрубить зверю голову, но отрубленный кусок туловища тут же превратился в целую змею. Это напоминает историю с отрубаемыми головами славянского *Змея-Горыныча*. Поэтому вогулы (ханты и манси) его очень боятся. *Ялпын-уя* неоднократно видели ниже селения Метлѐнки на р. Ляпин. Бывает, что на суше этот зверь обвивается почему-то вокруг стволов прибрежных деревьев, отчего те начинают высыхать.

Не менее страшные рассказы существуют у аборигенов Западной Сибири и о знакомых нам шуках. Когда те стареют, то увеличиваются в размерах и превращаются в крокодилообразные чудовища – мамонта *мув-хора*. В ясную погоду рано утром такие шуки всплывают на поверхность водоёмов. Их спины, шириною с «плашкоут», напоминают чешуйчатые и острые костными выступами спины крокодилов, блестящих на солнце. Однако голову и хвост такие монстры людям стараются не показывать.

В середине XX столетия один рыбак узрел сразу двух гигантских зверей-шук, неторопливо плывших вверх по течению реки. В этой же местности, на «священном песке» побережья оз. Ялпын-тур, категорически запрещалось появляться женщинам: один из местных жителей лунной осенней ночью увидел, как из озера в речку выплыло на отдых непонятное существо, у которого блестела вся спина. Там, у озера, находилось и священное место, возле которого лежала вытесанная из цельного ствола дерева большая фигура животного с длинным, округлым телом, заостренной головой и гребнем на спине. Кое-кому даже удалось запечатлеть этого живого озерного монстра на рисунке.

С этим животным громадного размера связывают два случая, происшедших на реке. В 40-х годах XX столетия колесный пароход «Петр Шлеев», следуя мимо Шайтанского мыса, неожиданно потерял ход и опасно накренился. Местные рыбаки предположили, что за колесо машины вцепился зубами сам *Вит-хон*, рассердившийся за сделанное людьми беспокойство его подводному жильству у основания берегового священного утеса. Второй случай произошел в наши дни с моторной лодкой, которую речное чудовище едва не потопило. Исследователи-этнографы И. Н. Гемуев и А. М. Сагалаев, изучавшие данную проблему, предполагают, что основой для появления подобных представлений послужили сохранившиеся живые реликты доисторической речной фауны Западной Сибири. (*Гемуев И. И., Сагалаев А. М. Религия народа манси. (Культовые места XIX – начала XX вв.). – Новосибирск, 1986. – С. 103*). Обратим, к слову сказать, внимание на алтайское слово **момон** – «крот». Если к нему прибавить показатель множественности (букву **т**), то получим **момонт**, созвучное со словом **мамонт**.

«Потомком» образа вымершего мамонта, перевоплощенного в водное чудовищное животное, у *селькупов* Западной Сибири стала гигантская выдра, живущая как в земляных береговых норах, так и в воде. Имя ей *Коцар*. Однако это не совсем выдра, так как она имела свое собственное прозвание – *Том*. Этот мифологический персонаж (*Коцар*) исполнял роль «покойницей земли караулящего зверя». В народном декоративном искусстве его изображали большим, сильным и свирепым животным, внешне похожим на гигантского «быка-медведя», однако ни хобота, ни клыков-бивней этому образу «рыбьего» мамонта не придавали. Магическая сила *селькупского* шамана выражалась в наличии на нагруднике ритуального костюма его металлической фигурки в качестве духа-помощника и проводника в Нижний мир. Русские люди прошлых столетий, познавшие быт и мифологию *селькупов* задолго до казачьих походов Ермака, образ *Коцара* передали в народных сказках как человекоподобного *Коцея бессмертного*, кровожадного хозяина мира покойников, по сути дела голого скелета, похищавшего земных девушек и уносящего их в свою подземную пещеру.

Однако значение гигантских рыб в мифологии селькупов более древнее, чем следовало бы считать. По их представлениям, Землю подпирают, не давая упасть, мамонты («кошар») и «землю держащая на весу рыба». У многих народов мира, в том числе славянских и европейских, Землю держат слоны, стоящие ногами на спинах китов или на панцирях черепахах.

У ненцев Западной Сибири щука имела название *пыря* и *сяторэй*, что означало «кусачая». Таким определением подчеркивался её злобный характер водного хищника, нападающего на скот и людей. Тем не менее, животное это считалось священным, и убивать его было нельзя.

Существуют рассказы о гигантских рыбах Сибири и в наши дни. Сошлемся на натурную зарисовку одного из охотников на диких оленей в приарктической зоне Сибири. Одну из замерзающих рек переплывает мигрирующее стадо рогатых промысловых животных. И вдруг в гущу их плывущих туш, ломая тонкую корочку замерзающего льда, врывается за добычей, извиваясь, невероятно большая хищная *щука* с раскрытой зубастой пастью. Так, как это делают нильские гребнистые или иные крокодилы, неожиданно нападая на стадо животных в Африке, пришедшего на водопой, либо переплывающего водоем.

Такая громадная рыба (осетр) была выловлена в Енисее в прошлом столетии. Вес её оказался 12 пудов. Если учесть пуд в современном весовом эквиваленте в 195 килограммов 165 граммов, то рыбаки получили фантастический улов порядка 300 кг только одной особи. (Егоров А. «А рыбы зело густо в нем...» // «Байкальская сторона». – Вып. 2. – Иркутск, 1991. – С. 181). На том же Енисее, на прибрежной скале близ села Аскиз в Хакасии, имеется рисунок другого таинственного водного монстра. Высеченное изображение передает облик большой ящерицы с раздвоенным языком, большими когтями и пластинчатыми «доспехами» (чешуей) вдоль спины. Напоминает похожие рисунки «водоплавающих быков с крокодилей пастью» на петроглифах Ангары, верховьев р. Лены, на предметах народного декоративного искусства *финно-угров* Западной Сибири, алтайских *теленгитов*, у *тагарских* кочевников Енисея, у *динлинских* племен бронзового века Забайкалья и Приамурья.

Похожие по размерам водные существа отмечаются и в регионах, близких к южным границам Западной Сибири.

В этой связи представляет интерес бессточное озеро Уриг-нуур (Уурэг-нуур) с солончакковой водой на границе Монголии с Алтайским краем, откуда берет начало исток Иртыша. В октябре 2017 года путешествующий вокруг озера монгольский турист С. Содномдорж увидел и снял на видео легендарное животное *Хэх-Бух* («Синий бык»). Такое название оно получило за издаваемые характерные звуки, схожие с бычьим мычанием. (Машкович Б. *Криптиды Бурятии и Байкала*. – б/м, 2022). Его контур в плывущем надводном состоянии абсолютно повторяет облик того «рыбожщера», о котором писал Николай Спафарий тремя столетиями раньше, и удостоверяет современная зарисовка очевидца речного чудовища *Алтын-уя*, якобы обитающего в реках Западной Сибири. Народная молва утверждает, что этот водный монстр лежит на дне, и только раз в 60 лет поднимается на поверхность. Слово рассказчику: «**Я сначала подумал, что это какое-то бревно. И спросил стоявшего рядом местного жителя об этом. Тот ответил, что никакого бревна здесь быть не может. Странный объект был от нас метрах в 250. Когда пригляделся, понял, что это какое-то животное. Я сразу включил камеру и побежал туда. Это было точно живое существо. Оно имело плавник, длина тела была примерно 7 – 8 метров**». (Машкович Б. *Криптиды Бурятии и Байкала*. – С. 117 – 118).

На мелкой пластике славян подобные «крокодилы» изображались одинаковым образом, что свидетельствует о хорошо знакомом предмете поклонения необычному водному существу. У него крупная морда, глаза навывкате. Далее идет «змеиное» тело с чешуей, и короткие четыре лапы. Судя по летописным описаниям, водный ящер мог жить как в озерно-речных глубинах,

так и на суше. Однако существует и более древняя пластика. Например, древние жители Приуралья запечатлели более тысячелетие тому назад в своих великолепных бронзовых фигурках «огромного, весьма типичного ящера». Животное это «представляет нечто среднее между зверем и рыбой, в общем же напоминает собой отчасти большую ящерицу или крокодила, и удивительных существ, во многом по облику схожих между собой: массивное приземистое тело на коротких лапах, хвост, роговидный выступ на морде; вдоль спины чешуйчатые наросты – признак пресмыкающегося. Причем «эти животные были столь же хорошо известны древним художникам, как, скажем, лось или медведь». (*Кондратов А. Шанс для динозавра. – СПб, 1992. – С. 78*).

Русский этнограф академик Д. Анучин, изучая эти бронзовые вещицы «чуждого времени» (то есть племен Прибалтики, Севера России и Зауралья), писал: «*Среди приуральской чуди было широко распространено представление о каком-то мифическом звере с некоторыми признаками гада с удлиненной головой, вооруженной рогом и напоминающей отчасти крокодилью или носорожью, с вытянутым туловищем, покрытым чешуями вдоль спины и оканчивающимся более или менее коротким хвостом*». (*Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности Московского археологического общества. – М., 1906. – Т. XIV*).

Появление такого *ящера* на *чуждских* украшениях и религиозных атрибутах можно объяснить, полагает кандидат геолого-минералогических наук В. Лузин в статье «Легенда о динозавре», вероятной встречей отдельных уцелевших животных древности с человеком в историческое время. И журнал «Техника-молодежи», опубликовавший статью геолога, соглашается с автором: а может быть это и был, на самом деле, реликт мезозойской эры, динозавр, доживший до наших дней? Редакция журнала согласилась с теми учеными в поднятой на его страницах дискуссии, что «стыковка» с вымирающими динозаврами произошла не более как 12 – 10 тыс. лет тому назад, когда начал отступать Великий ледник, оставляя за собою болотистые равнины, затем заросшие таежным лесом. Последних из них (наряду с мамонтами и носорогами) люди явно видели живьем еще в I тысячелетии нашей эры. Отсюда четкое представление наших предков о физическом облике «ископаемых» животных. Впрочем, жители побережий и островов Белого (как и Черного) моря и по сей день передают пугающие рассказы о встречах с таинственным «водным змеем», который иногда появляется в его водах.

В Ямало-Ненецком округе бытуют рассказы о встречах в наши дни с удивительным водным животным, обитающем в местных озерах. Одна из историй записана энтузиастом поисков «снежного человека» Майей Быковой. Суть её: две местные женщины перевозили на лодке дерево для установки забора. Неожиданно на озере стали раздаваться какие-то непонятные звуки. И тут недалеко от берега появилась как будто легкая лодка-«кедровка», перевернутая вверх днищем. Сначала фигура была округлой, но затем вытянулась и поплыла. Появились волны от рассекавшего воду большого грузного тела. Женщинам удалось рассмотреть небольшую голову. Голова походила на лошадинную, но с более длинной шеей. Увидев «чудо-юдо», женщины притаились и притихли. Доплыв до них, неизвестное животное остановилось, но, не разглядев добычи, стало бесшумно удаляться от берега, пока не нырнуло под воду. Через год обе очевидицы при странных обстоятельствах всё же утонули в том месте, где ранее видели водяного монстра. (*Кондратов А. Шанс для динозавра... – С. 151*).

В старину аборигенное *финно-угорское* население северо-западной части Российской империи именовали *чудью*, но затем этот термин был перенесен и на все древние племена Сибири. В западной части арктического пояса жительство финно-угров, (напр. в скандинавских странах), широко бытуют предания о современных им «доисторических» животных в местных водоемах. Особенно знаменита с древних времен шотландская *Нессу*, и её «сородичи» в других озерах – «водяные кони» или «водяные быки». Каждое их появление на поверхности «непременно влечет за собою несчастье». Член Британского парламента Дэвид Джеймс

в журнале «Англия» привел весомые аргументы в пользу того, что рассказы о подобных озерных животных есть не фантазия, а быль, имеющая под собою реальную почву. (*Кондратов А. Ук. соч., – С. 154*).

К сказанному добавим следующие известия. У сибирских *татар* встречается термин *су сыер* («водяная корова») и *су угэээ* («водяной бык»). У южных тувинцев хозяином Нижнего мира был *Мелхи*. Этот мифологический персонаж представляли в образе хищного зверя на четырех ногах, но очень ленивого и малоподвижного. Он, как правило, обитал в глубинных местах водоема, имел огромную силу, с которой поднимал Землю. Его окружали рыбы и всякие морские животные. *Мелхи* весьма напоминает образ *алтайского Йутпы*. (*Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. (Вторая половина XIX— начало XX в.). – Л., 1976. – 209, 324*).

Мамонт – щука – лось

Рассказы о чудовищного вида речных животных Зауралья, записанные в «Русском дорожнике» Московского государства, и через него попавшие в страны Западной Европы, во многом основаны на исторических преданиях и шаманской мифологии сибирских аборигенов. Именно их и слышал Постник Бельский, направленный на казачью службу в Тобольск. Впрочем, подобные рассказы *хантов* и *манси* Заполярья не менее живо бытуют до сих пор. Речь идет о так называемых гигантских *рогатых щуках*, по обличию напоминающих доисторических ящеров или крокодилов, и тому подобные диковинки животного мира водных глубин. И не все рассказы о них оказывались по существу народными фантазиями.

Например, в середине XIX столетия большой переполох у местных жителей наделал *морской кит*, заплывший в реку Енисей. Страх перед невиданным чудовищем у рыб был такой, что они в испуге выскакивали из воды прямо на берег, лишь бы не оказаться в его пасти. Всполошил он и бывалых рыбаков-*хантов*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.